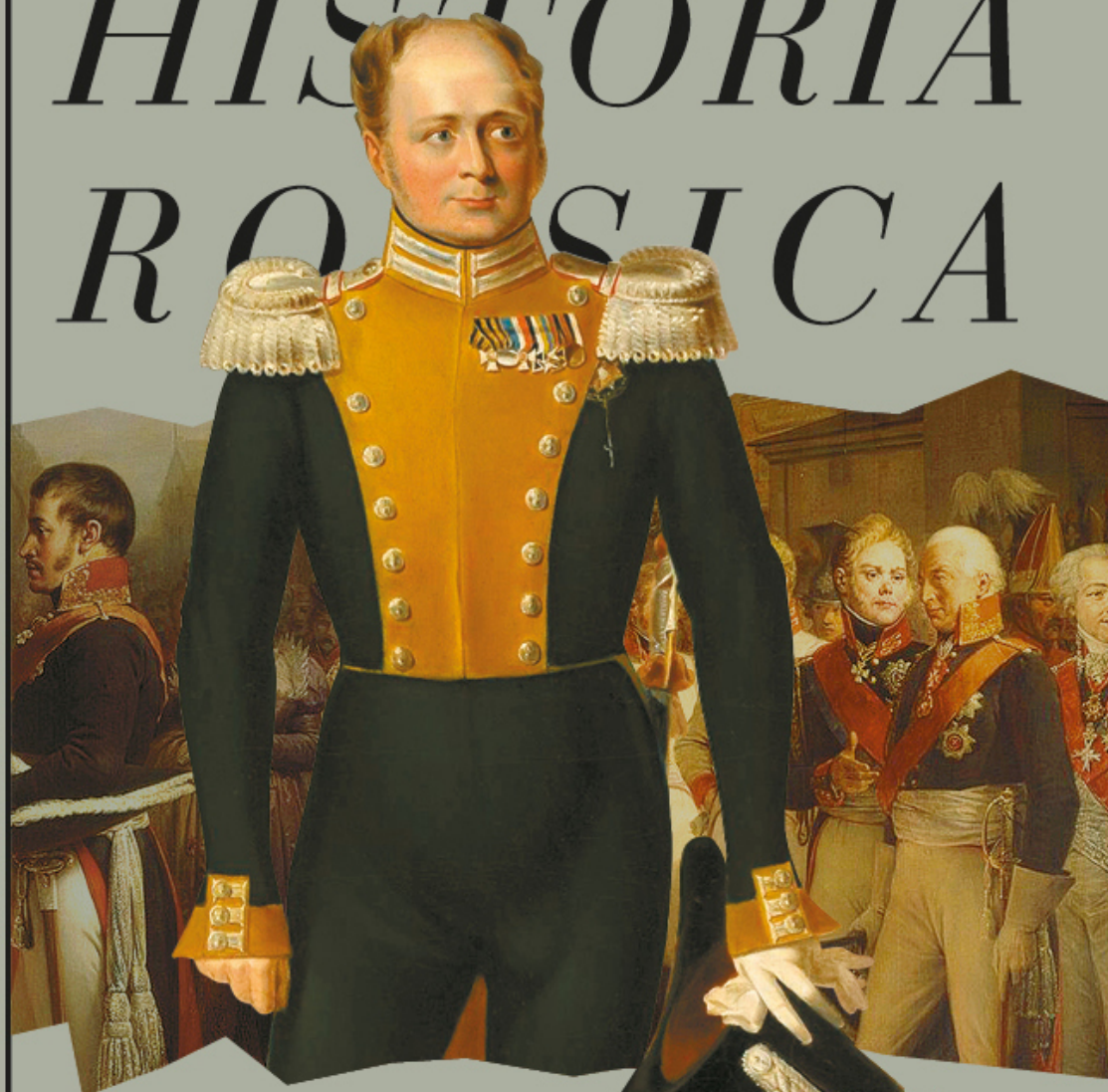

HISTORIA ROSSICA

Патрик О'Мара

РУССКОЕ
ДВОРЯНСТВО
ВРЕМЕН
АЛЕКСАНДРА I

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Патрик О'Мара

**Русское дворянство
времен Александра I**

«НЛО»

2019

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)52

О’Мара П.

Русское дворянство времен Александра I / П. О’Мара — «НЛО»,
2019 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482159-7

Период царствования Александра I принято рассматривать как время больших перемен – прежде всего в международных отношениях, находившихся под влиянием имперских амбиций Наполеона Бонапарта. Однако и во внутренней политике России тогда происходили не менее фундаментальные трансформации, которые напрямую были связаны с дискуссией о ее будущем. Споры между реформаторами и консерваторами вышли за рамки придворных кругов и затронули ключевую социальную группу того времени – русское дворянство. Книга Патрика О’Мара посвящена анализу сложных и во многом противоречивых взаимоотношений между Александром и представителями этого сословия. Реконструируя контекст, в котором существовало дворянство, и его роль в политическом устройстве страны, автор ищет ответ на важный вопрос: могла ли Россия в начале XIX века пойти по пути прогрессивных реформ? Патрик О’Мара – почетный профессор русского языка и российской истории, бывший ректор Колледжа Ван Милдerta Даремского университета, Великобритания.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-44-482159-7

© О'Мара П., 2019

© НЛО, 2019

Содержание

Предисловие	7
Примечания к тексту	11
Часть I. Дворянское сословие в России	12
Глава 1	12
Привилегии и социальный статус дворянства	12
Влияние восшествия на престол Александра I	15
Корпоративная идентичность и социальная сплоченность	17
Глава 2	24
Социальный статус и государственная служба	24
Богатство, бедность, крепостные	29
Источники социального престижа дворянства	35
Часть II. Воспитание российского дворянина	39
Глава 3	39
Домашнее обучение и иностранные учителя	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Патрик О'Мара

Русское дворянство времен Александра I

Patrick O'Meara

The Russian Nobility in the Age of Alexander I

© Patrick O'Meara, 2019

This translation of «The Russian Nobility in the Age of Alexander I» is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© А. Шокарева, перевод с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

Предисловие

Цель этой книги – предложить читателю детальный социальный и политический портрет русского дворянства времен царя Александра I, правившего с 1801 по 1825 год.

Для Российской империи это был 25-летний период стремительно меняющихся международных отношений, задаваемых имперскими амбициями Наполеона Бонапарта и, разумеется, их последствиями. При этом, напротив, внутренняя политика отличалась нерешительностью, отражая характерную склонность Александра I сомневаться по всем важным государственным вопросам. Уступая по значимости лишь императорскому двору, дворянство составляло ключевую элитную группу в российской дореволюционной социальной иерархии и играло жизненно важную роль в функционировании гражданского общества. Следовательно, история дворянства – ключ к пониманию динамики самодержавия¹.

Соответственно, это исследование основано на разнообразных редко цитируемых источниках, как опубликованных, так и неизданных, в том числе включающих личные фонды, документацию региональных органов власти, мемуары, дневники и корреспонденцию. Эти источники в своей совокупности составляют для историка мозаичный портрет дворянства времен Александра I, одновременно и коллективный, и индивидуальный. Такое богатство источников обеспечивает многообразие подходов к реконструкции и анализу исторического материала, ими проиллюстрированного. Однако я предпочел сосредоточиться на политической культуре дворянства, столичного и провинциального, и попытался создать первую комплексную работу (на английском и русском языках), помещающую Александра I в этот очень важный контекст. Одной из главных задач моей работы является по-новому осветить характер известного своей загадочностью царя. Сопутствующий анализ отношений Александра и русского дворянства занимает лауну в литературе по политической истории России первой четверти XIX века².

Когда в марте 1801 года Александр взошел на престол, русское дворянство обратилось к новому царю за восстановлением прав и привилегий Жалованной грамоты дворянству 1785 года, отнятых у этого сословия его авторитарным отцом, императором Павлом I, во время своего своенравного и эксцентричного правления. Недоверие Павла к дворянам нашло свое выражение в том, что Джон Гудинг назвал «господством террора», развязанного в отношении дворянского сословия. Речь идет, в частности, о Манифесте 1797 года о трехдневной барщине, который ограничил работу крестьян на барина тремя днями и сделал воскресные дни выход-

¹ В конце XIX – начале XX века в среде русских историков возрос интерес к истории дворянства, что нашло отражение в нескольких значительных публикациях. Наиболее важные работы о начале XIX века: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина (далее – РС). 1899. Кн. 1; 1904. Кн. 3. (См. библиографию для полного описания этого издания, а также репринтного: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века / Изд. подгот. П. В. Ильиным. СПб., 2007. Во вступительной статье к книге Ильин подтверждает неувядающее значение новаторского исследования Дубровина); *Елишев А. И.* Дворянское дело: Сб. ст. М., 1898; *Еврешинов Г. А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898; *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876, а также его работа «Русское дворянство. История родов» (СПб., 1876), перепечатанная в: История российского дворянства. М., 2009; *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870 (и 1912), переиздана в 2003 году; *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб., 1899; *III.* Дворянство в России: исторический и общественный очерк // Вестник Европы (далее – ВЕ). СПб., 1887. Т. 2–3. С. 533–571, 186–210, 421–452; *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.

² О правлении Александра I см.: *Hartley J. M.* Alexander I. London; New York, 1994; *McConnell A.* Tsar Alexander I: Paternalistic Reformer. New York, 1970; *Rey M.-P.* Alexander I: The Tsar Who Defeated Napoleon. DeKalb, 2012; *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2017; *Окуль С. Б.* История СССР. Т. 1: 1796–1825: Курс лекций. Л., 1948; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Он же.* Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 222–244; *Schiemann T.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Kaiser Alexander I. und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin, 1904; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897–1898. Особенно Т. 2 и 4.

ными. Павел I также отменил для дворянского сословия запрет на телесные наказания, наложил ограничения на путешествия, иностранные наряды и даже запретил импорт предметов роскоши из Великобритании наложив столичному дворянству. В центральной и региональной администрации царь все больше опирался на бюрократию и армию, чем на дворян. В то же время он настаивал на том, чтобы дворянское сословие вновь стало служилым, игнорируя положения Манифеста о вольности дворянства 1762 года. Ко всеобщему облегчению, спустя только 4 года и 4 месяца с момента воцарения непредсказуемое правление 46-летнего Павла I было прервано его убийством группой наиболее доверенных и высокопоставленных представителей элиты, включая членов семей Долгоруковых, Вяземских и Голицыных³. Царство террора завершилось, и, по знаменитому выражению А. С. Пушкина, настало «дней Александровых прекрасное начало», прежде всего для дворянства.

Ключевой особенностью правления императора Александра I была политическая борьба вокруг проблемы будущего России: стоит или нет в соответствии с европейским духом времени идти по пути фундаментальных политических, экономических и социальных реформ. В случае с Россией это предполагало отмену крепостного права и принятие новой конституции. Вне тех придворных кругов, где эти вопросы более-менее постоянно обсуждались, конфликт между реформаторами и консерваторами разворачивался в единственном социальном классе империи, способном его вести, – русском дворянстве, которое само в это время претерпевало далекоидущие изменения.

В частности, росло напряжение между теми группами дворян, которые считали себя европейцами и были активными проводниками европеизации русской политики и культуры, и теми, кто стремился сохранить самобытный национальный статус-кво. Западные влияния на русское общество, как на представителей элиты, так и на дворянство в целом, особенно благодаря индивидуальным контактам с Наполеоновской Европой, позволяют говорить о «европейском» поколении русского дворянства. Распространение просвещенческих идеалов эгалитарной справедливости и личной свободы в сочетании с влиянием романтизма сделало культурное и идеологическое сближение России и Запада неизбежным. Так, прозаик и поэт-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский считал, что его поколение могло «говорить по-русски... мыслить по-европейски»⁴. Это противоречие предвосхитило восстание декабристов в Санкт-Петербурге в конце 1825 года (в котором Бестужев принимал активное участие) и в конце концов переросло в страстные споры между западниками и славянофилами о пути России в последующие десятилетия. Именно в этом историческом и исследовательском контексте и находится моя работа.

В книге исследованы ключевые политические, социальные и культурные темы. Она состоит из шести частей. В первой и второй рассмотрены источники престижа и привилегий дворянства, его юридический и социальный статус, богатство и бедность, а также характер полученного им образования. Владение иностранным языком преимущественно французской язычной знатью получает особое внимание, которого заслуживает этот необычный культурный феномен. Третья часть посвящена роли дворянства в местном самоуправлении и провинциальной администрации, в частности на примере богатого областного архива Нижнего Новгорода (после распада СССР вновь, как и сам город, доступного для иностранных ученых), через выборные должности предводителя дворянства, дворянское собрание и уездные суды.

³ Gooding J. *Rulers and Subjects: Government and People in Russia 1801–1991*. London, 1996; Riasanovsky N. V., Steinberg M. D. *A History of Russia*. Oxford, 2005. P. 254–245; Hartley J. M. Alexander I. P. 21, 25; Dixon S. *The Modernisation of Russia, 1676–1825*. Cambridge, 1999. P. 131.

⁴ Цит. по: Бокова В. М. *Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века*. М., 2003. С. 76. По теме культурных сближений см.: Тимофеев Д. В. *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века*. Челябинск, 2011.

Четвертая часть посвящена политике Александра I по отношению к дворянству, его взаимоотношениям с главными членами его правительства, включая позицию царя по поводу конституции в России, его «конституционную дипломатию» по отношению к Польше, реакцию на нее дворянства и ее значение для России. В пятой части представлен детальный анализ робких попыток реформирования крепостного права сверху (царь и его правительство) и снизу (помещичье дворянство). Она опирается на ключевые проекты с обеих сторон, иллюстрируя разнообразие откликов на тревожную сложность крестьянского вопроса.

Влияние столкновения с Наполеоновской Европой на русское дворянство и его растущая осведомленность о западных политических институтах рассмотрены в шестой части. В ней прослеживаются вытекающие из этого ожидания политических и социальных реформ и попытки правительства сдержать их путем усиления цензуры и тайного полицейского контроля. Кроме того, в ней дается оценка меняющегося характера «европейского» поколения русского дворянства, в частности как следствия личного опыта жизни в западных обществах. Проанализирован образ способного к самоанализу дворянина как личного оппонента российского государства в контексте возрастающего противостояния правительству. Обсуждаются различные реакции дворян и на смерть Александра I, и на восстание декабристов, которое случилось всего несколько недель спустя, 14 декабря 1825 года. Это событие, вкупе с последующим восстанием Черниговского полка на юге, отметило исполненное насилием начало правления Николая I в самый день его восшествия на трон. Завершает исследование оценка долгосрочных последствий восстания декабристов для политического будущего российского дворянства.

Центральным тезисом книги является утверждение, что итоги военных кампаний союзников против французских армий по всему континенту, в которых были задействованы тысячи русских офицеров и солдат, проложили путь не только к окончательному освобождению Европы от Наполеона, но и предоставили Александру I уникальную возможность опереться на объединяющую национальную победу России и свою собственную беспрецедентную популярность, чтобы заручиться поддержкой традиционно не расположенных к риску дворян на проведение далекоидущих политических и социальных реформ⁵.

Однако эту возможность Александр I упустил, в основном из-за своей неспособности найти практический компромисс со знатью. Правда, стоит отметить, что нежелание дворянства двигаться за царем в сторону реформ, особенно конституциональных и крестьянских, также сыграло свою роль. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в целом низкая «политическая культура» знати удерживала Александра от каких-либо реальных усилий по созданию необходимого союза. Учитывая устоявшийся консерватизм дворянства и постоянные сомнения царя, насколько реальной представляется перспектива реформ в России начала XIX века? Победа породила большие ожидания перемен, их необходимость была очевидна и Александру, и наиболее дальновидным его приближенным, и декабристам, которые в конце концов устали ждать.

Любой убедительный ответ на этот вопрос должен быть так или иначе связан с характером отношений между Александром I и российским дворянством как правящим классом империи. Вот почему это и есть главный предмет данной книги. Соответственно, для ответа на него использован широкий спектр современных источников. Для более подробного историографического обзора заинтересованный читатель может обратиться к списку источников, предваряющему библиографию.

⁵ Конкретно о 1812 годе и его последствиях см.: *Lieven D. Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807–1814*. London, 2009; *Russian and the Napoleonic Wars* / Eds. J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Basingstoke, 2015; и две статьи: *Martin A. M. The Russian Empire and the Napoleonic Wars // Napoleon and Europe* / Ed. P. G. Dwyer. London, 2001. P. 243–263; *Idem. Russia and the Legacy of 1812 // The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* / Ed. D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 145–161. В добавление к этому о роли Русской православной церкви в 1812 году см.: *Мельникова Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года*. М., 2002.

Мою работу и научные командировки поддержали и профинансировали Университет Дублина (Тринити-колледж) и Университет Дарема – два института, где мне посчастливилось работать на протяжении моей академической карьеры. Не менее щедрый исследовательский грант Британской академии позволил посещать архивы и библиотеки Москвы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Хельсинки. Стажировка в Фицуильям-колледже (Кембридж) предоставила мне возможность ежедневно пользоваться библиотекой университета, что позволило завершить композицию книги, не говоря уже о стимулирующем общении с близкими по духу людьми.

Я в долгу не только перед институтами, но и перед огромным числом людей за значительную помощь и советы: особенно я благодарен двум горько оплакиваемым замечательным историкам, исследователям российской государственности, Линдси Хьюз (ум. 2007) и Исабель де Мадариаге (ум. 2014); анонимному коллеге рецензенту, чьи многие ценные предложения улучшили эту книгу; Роджеру Бартлетту, Розамунд Бартлетт, Симону Диксону, Дженнифер Китинг, Полу Кинану, Елене Марасиновой и Андреасу Шенле, которые любезно согласились прочесть фрагменты черновиков и составили вдумчивые отзывы; Томми Муртагу за обеспечение точности французских цитат; а также Ирине Лукка – находчивому руководителю несравненного исследовательского центра «Славика» в Национальной библиотеке Финляндии. Именно здесь много счастливых дней я наслаждался вдохновляющим общением с международной группой ученых, особенно с их энергичным лидером, покойным Ричардом Стайтсом (ум. 2010). В равной степени, Исследовательская группа по изучению России XVIII века, в основном благодаря ее основателю и вдохновителю Тони Кроссу, была источником интеллектуальной поддержки и содружества в течение долгих лет работы над этой книгой.

Я с удовольствием отдаю должное профессиональному мастерству моего редактора в I. V. Tauris в Лондоне, Джоанне Годфрей. Все достоинства данного издания есть заслуга Джоанны и ее команды в Bloomsbury Academic, в то время как все его недостатки остаются на моей совести. Наконец, в Долине Белой Лошади в Оксфордшире, где, в деревенском уединении, была написана основная часть книги, я наслаждался любящей терпимостью и критическим мышлением моей жены, Дай, чье внимательное прочтение всей рукописи значительно улучшило данный текст.

С огромной благодарностью я посвящаю эту книгу Дай, а также всем, кого упомянул ранее, потому что это самое малое, что я могу сделать.

*Эплтон, Оксфордшир, Великобритания
1 февраля 2018 года*

Примечания к тексту

ДАТЫ

Если не обозначено иначе, все даты приведены по старому стилю (юлианский календарь), который для России XIX века отличается от нового стиля (григорианский календарь) на 12 дней. Например, восстание декабристов в Санкт-Петербурге было 14 декабря 1825 года по старому стилю, но 26 декабря – по новому.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВЕ – Вестник Европы
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГМ – Голос минувшего
ИВ – Исторический вестник
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РА – Русский архив
РБС – Русский биографический словарь
РВ – Русский вестник
РС – Русская старина
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
CMRS – Cahiers du Monde russe et soviétique
SEER – Slavonic and East European Review

Часть I. Дворянское сословие в России

Глава 1

Российское общество и дворянство после 1801 года

В этой вводной части рассмотрен исторический контекст российского дворянства времен Александра I и намечены ключевые темы и проблемы, которые будут разобраны в последующих главах. В частности, сделана попытка определить то место, которое дворянство считало своим в общей картине российского общества и политической жизни, а также предложить основные источники социальных привилегий сословия. Особенное внимание уделяется степени зависимости этих привилегий от близости к двору Александра I и к государственным институтам.

Привилегии и социальный статус дворянства

События XVIII века

Определения понятий «российское дворянство» и «дворянин», как правило, неясные и нечеткие. В конце XIX века пытались объяснить эти термины, но считалось, что понятие это «скорее чувствуемое, чем осознаваемое», подразумевает кого-то «избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми»⁶. В 1722 году указом Петра I при Сенате была образована Герольдмейстерская контора для надзора за образованием дворян, составления их списков, тщательного изучения доказательств о дворянстве обратившихся и их приема на государственную службу. Однако, несмотря на усилия Герольдмейстерской конторы, ведомство по-прежнему жаловалось на отсутствие полного реестра дворян даже спустя пять лет правления Екатерины II (в 1767 году). Контора требовала четкого пояснения, должны ли критерием для получения дворянского статуса быть служебное звание, владение имением или и то и другое вместе? Но тем не менее спустя сто лет со дня учреждения Герольдмейстерской конторы данные ревизий показали, что в некоторых губерниях к дворянскому сословию принадлежали те, кто не имел на это никаких прав⁷.

Дворяне, в идеале владевшие землей и крепостными, были обязаны своим правовым статусом главной опоры царизма двум ключевым законодательным актам XVIII века: Табели о рангах 1722 года Петра I и Жалованной грамоте дворянству 1785 года Екатерины II. Первый регулировал четырнадцать военных, гражданских и придворных чинов вплоть до 1917 года. Все четырнадцать военных чинов в армии и на флоте, а также первые восемь статских и придворных были освобождены от подушного налога и наделялись правом владеть крепостными. В лейб-гвардии чины были на два класса выше, чем в армии; так, гвардии капитан относился к седьмому чину⁸. Исходный текст Петра (а также последующее законодательство при его

⁶ Цит. по: *Шенелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 357.

⁷ *Wirtschafter E. K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, 1997. P. 31.

⁸ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. London, 1998. P. 179, 181. Четырнадцать параллелей чинов наглядно показаны в: *Longley D.* The Longman Companion to Imperial Russia, 1689–1917. London, 2000. P. 29–30. Краткая история развития дворянского сословия, его прав и привилегий представлена в: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. См. также: *Яковкина Н. И.* Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции. СПб., 2002.

преемниках) определял некоторые формы старшинства одних чинов над другими: например, военные были выше их статских соответствий, а представители княжеских родов превосходили других дворян.

Влияние революционных новшеств Петра I, введенных за три года до его смерти в 1725 году, было бóльшим на нижние уровни служилого класса, нежели на верхние. Как показал Ричард Пайпс, анализ состава четырех высших чинов, так называемого генералитета, обнаружил, что через пять лет после смерти Петра I 93 % из 179 его представителей все еще происходили из 13 из 22 семей, в том числе Долгоруких, Шереметевых и Голицыных, которые занимали высокие должности в Московской Руси. В остальном, особенно между 14-м и 10-м классами, последовали большие изменения. Именно здесь Табель о рангах добилась существенного расширения социальной основы служилого класса, а также и его впечатляющего количественного роста. Это произошло благодаря продвижению простолюдинов в офицерские чины разрастающегося военного истеблишмента, награждению чинами низших административных служащих в шестидесяти губерниях Российской империи, а также возведению в дворянство землевладельцев с окраин империи – Украины, частей Поволжья, населенных татарами, и новоприсоединенных губерний Прибалтики⁹.

Жалованная грамота дворянству 1785 года Екатерины II различала шесть категорий дворянства, впоследствии закрепленных Сводом законов 1832 года: 1 – возведенные в дворянское достоинство согласно личному указу императора, «настоящее дворянство»; 2 – достигшие на военной службе офицерского чина (14-й чин); 3 – получившие дворянство на гражданской службе (8-й чин); 4 – иностранные дворяне, перешедшие в российское подданство; 5 – титулованные (русские) дворянские фамилии; 6 – столбовые дворяне¹⁰.

Жалованная грамота 1785 года Екатерины II и Манифест 1762 года Петра III, практически освободившие дворян от обязательной службы, – законодательные акты, обеспечившие золотой век русского дворянства в XVIII веке. Вопреки указу 1762 года, оплачиваемая государственная служба для многих дворян оставалась основным, а иногда и единственным источником дохода и безопасности. И все же, как отметила Исабель де Мадариага, невозможно измерить величину психологического воздействия на дворянство их новых свобод:

Историки постоянно указывали на то, что, невзирая на манифест, дворянство продолжало служить. Но есть большая разница между службой принудительной и службой по собственному сознательному выбору. В этом смысле русский дворянин наконец-то сравнялся со шляхетством и знатью других стран. Правда, если социальный статус дворянина в России все еще зависел от чина, то за границей он больше зависел от титула, богатства и даже личных качеств. Но все-таки русский дворянин теперь уже не был «рабом» государства¹¹.

Жалованной грамотой 1785 года Екатерины II также были созданы губернские и уездные дворянские собрания как корпоративные сословные организации, а губернская реформа 1775 года дала право дворянам избирать из своего сословия полицейские и судебные должности в губерниях. Это значило, что потенциально власть помещика могла выйти за рамки его поместья и распространиться на всю губернию, хотя его обычное нежелание заниматься делами создавало проблемы для Екатерины II и ее преемников в XIX веке¹². Тем не менее именно Жалованная грамота 1785 года закрепила правовое положение дворянства во время правления

⁹ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. London, 1974. P. 125; Dixon S. *The Modernisation of Russia 1676–1825*. P. 93.

¹⁰ Wirtschafter E. K. *Social Identity in Imperial Russia*. P. 23–24.

¹¹ Madariaga I. de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. London, 1981. P. 89. Цит. по: Мадариага И. де. *Россия в эпоху Екатерины Великой* / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002. С. 154.

¹² Яковкина Н. И. *Русское дворянство*. С. 10–11.

Александра I. И несколько модифицировали его только четыре указа, которые больше относились к статусу предводителя дворянства¹³.

Важным процессом в это время была европеизация российской социальной и политической структур, в результате чего воздействие политической власти на жизнь в России стало осуществляться в значительной мере под влиянием западноевропейских образцов. Российский историк Борис Миронов считает, что эта тенденция, подпитываемая возрастающим числом европейцев на российской службе, отражала трансформацию дворянства в юридическое сословие в основном благодаря Жалованной грамоте: «1) сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) дворянство имело сословную организацию в виде уездных и губернских дворянских собраний; 4) оно обладало сословным самосознанием и менталитетом; 5) дворянство имело право на самоуправление и участие в местном управлении; 6) оно имело внешние признаки дворянской принадлежности»¹⁴.

Нет сомнения и в том, что западное влияние отражалось также в продолжающемся развитии дворянского сословия, превращавшегося из служилого класса в привилегированное сословие, каковое изначально составляли западноевропейские феодалы¹⁵. Действительно, как убедительно показал Михаэль Конфино, возникновение благородного сословия на Западе, равно как и в России, типологически может быть расценено как награда, которой правитель поощрял за оказанную службу. Российское дворянство было в высшей степени служилым, с соответствующим служилым менталитетом, но, как и на Западе, всеобъемлющий идеал чести сочетался с сильно развитым чувством родства и наследования – наиболее заметной чертой социальной элиты¹⁶.

И все же, несмотря на то что реформы Петра, и прежде всего Табель о рангах, укрепили социальное господство дворянства, превратившегося в фактических владельцев крепостных и поставлявшего офицеров для армии, эти же реформы лишили дворянство сколь-нибудь значимой политической власти – последняя оставалась исключительной монополией самодержавия и растущей бюрократии. В результате, как верно подметил Мартин Малиа, вплоть до середины XIX века Россия оставалась «практически без развитого гражданского общества и „промежуточных“ государственных органов между государством и служилым дворянством, с одной стороны, и крестьянством, с другой»¹⁷. Реформа 1722 года также закрепила разделение дворянства на личное (для достигших 9-го класса) и потомственное (для достигших 14-го класса на военной службе и 8-го на гражданской). Таким образом, фактически Табель о рангах не смогла изменить превосходства принципа права по рождению и, цитируя Конфино, «институционализовала различие чести и престижа в пользу наследственного дворянства и, как это ни парадоксально, признала привилегии, вытекающие из рождения и происхождения, которые эта же Табель о рангах должна была отменить и заменить „службой, источником всех отличий“»¹⁸.

Коллективное почтение русского дворянства к власти было результатом как его пассивности, так и упрямства. Это сочетание означало, что исторически почтение не всегда было

¹³ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление... С. 396.

¹⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 85. См. также англ. пер.: Mironov B. N. The Social History of Imperial Russia, 1700–1917 / B. N. Mironov, B. Eklof. Boulder; Oxford, 2000. 2 vols.

¹⁵ Ш. Дворянство в России: исторический и общественный очерк // ВЕ. СПб., 1887. Т. 3. С. 427.

¹⁶ Confino M. The Nobility in Russia and Western Europe: Contrasts and Similarities // Confino M. Russia before the «Radiant Future»: Essays in Modern History, Culture, and Society. New York, 2011. P. 119–140.

¹⁷ Malia M. E. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge and London, 2000. P. 142.

¹⁸ Confino M. The Nobility in Russia... P. 125–127.

беспримесным или гарантированным, что ясно продемонстрировало участие аристократии в убийствах Петра III (в 1762 году) и Павла I (в 1801 году).

В целом Табель о рангах стала довольно успешной попыткой создать совершенно новое служилое дворянство, открыв возможность стать дворянином большому числу людей, за исключением крепостных. Очень важно, что создавалась социальная иерархия, которой дворяне придавали большое значение, поскольку их личный статус теперь непосредственно зависел от чина. В последующие десятилетия дворянство стремилось укрепить свое привилегированное положение, особенно в отношении близости к трону и прав на владение землей и крестьянами. Тем самым к своему Золотому веку дворянство подошло свободным от обязательной службы (с 1762 года) и с подтвержденными Жалованной грамотой 1785 года правами и привилегиями.

Однако после 1762 года, несмотря на гарантированную свободу от обязательной службы, дворяне продолжали в большинстве строить карьеру на государственной службе. Без сомнения, причиной того были вопросы финансов, но также и то, что со второй половины XVIII века дворянство стало отождествлять себя с государством и его нуждами. С другой стороны, когда Екатерина II учредила предводителей дворянства и дворянские собрания стали формироваться на выборной основе, то требование участвовать в них рассматривалось дворянами как форма государственной службы, которой многие пытались избежать, несмотря на престиж и дополнительные доходы, предоставляемые этим участием.

Положение не улучшилось во время правления Александра I, когда дворянство приходилось заставлять баллотироваться на выборах в свои корпоративные организации, которые, учитывая всеобщее пренебрежение ими, становились все более состоящими из профессиональных чиновников. Парадоксально, что без всяких на то официальных санкций от государства дворянская культура развивалась различными путями в поместьях, городских салонах, дружеских кругах, масонских ложах и неофициальных публикациях. Собственный взгляд дворянства на приемлемую форму преданности власти менялся¹⁹.

Влияние восшествия на престол Александра I

С момента долгожданного и приветствованного многими восшествия на престол Александра I в 1801 году политическая и социальная стабильность в России зависела в основном, как и на протяжении всего XVIII века, от сохранения надежных рабочих связей между правителем и дворянством. Наиболее привилегированное сословие империи привыкло к своему гарантированному статусу и прерогативе обращаться к царю напрямую. Во время правления непредсказуемого Павла I все гарантии могли быть отменены, поэтому от нового императора дворянство ждало их подтверждения.

Как ожидалось, 2 апреля 1801 года одним из первых указов своего правления Александр I восстановил Жалованную грамоту дворянству. Он вернул сословию все права и привилегии, дарованные Екатериной II и сильно сокращенные Павлом I, в том числе и право проводить выборы в дворянские собрания²⁰. Во время правления Александра I были восстановлены и расширены права не только каждого дворянина, но и сословия в целом. Например, дворянству было возвращено право выбирать из своего сословия чиновников в уездные и земские суды²¹.

Однако Александр I считал, что привилегии должны зависеть не только от социального статуса, но и от личных качеств, поэтому он подтвердил Жалованную грамоту своей

¹⁹ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 72.

²⁰ *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. С. 585–586.

²¹ *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление. С. 301–307.

бабки с некоторыми изменениями²². В частности, подтверждая права и привилегии дворян, как закреплено в грамоте, Александр I тем не менее признался своим молодым друзьям из Негласного комитета на заседании 27 июля 1801 года, что «он восстановил Дворянскую грамоту против собственной своей воли и что исключительность дарованных ею прав всегда была ему противна»²³. Как бы то ни было, бессилие дворян и их унижительная неспособность отстаивать привилегии, предоставленные Жалованной грамотой, были очевидны²⁴. Действительно, Джон Гудинг описал русского дворянина этого периода как «чистого лакея» по сравнению с его западным товарищем, который обладал абсолютной властью в своих владениях, служивших ему источником «и богатства, и политического влияния»²⁵.

Жалованная грамота даровала дворянству некие формы сословной организации, но, как верно указывает Марк Раев, она не устранила первенство государственной службы и не установила подлинную автономию дворянства. Безопасность личности и собственности, пожалованные Екатериной II, были неустойчивы до конца XVIII века, как это продемонстрировало правление Павла I. Только судебное решение могло лишить дворянина его статуса и его привилегий, делая его беззащитным перед лицом коррупции, царившей в судах. И хотя Александр I многое сделал, чтобы восстановить эту безопасность, которая в значительной степени сохранялась в течение первой половины XIX века, она тем не менее оставалась уязвимой, совершенно независимо от его желания, из-за превосходства центрального административного аппарата, созданного его собственными институциональными реформами²⁶.

Несмотря на все права и привилегии, в конечном счете у русского дворянина так и не было реальных гарантий личной и имущественной неприкосновенности. Недавние исследования показали, что первые юридические гарантии против самовольного обыска и ареста появились только благодаря судебной реформе 1864 года. До этого, на всем протяжении XVIII и значительной части XIX века, богатые и обладавшие политическим весом представители аристократии регулярно подвергались личной опале и лишались владений по прихоти монарха²⁷. Некоторые примеры последствий отсутствия принципа личной неприкосновенности для дворянина будут рассмотрены в следующей главе. В конце концов, как считает Е. Н. Марасинова, «очевидно, без анализа последствий воздействия власти на мотивацию личности дворянина невозможно воссоздать целостную картину социально-политического развития России в XVIII – начале XIX столетия»²⁸.

Итак, основными привилегиями потомственного дворянина во время правления Александра I были: свобода от службы, привилегированный доступ к военной и гражданской службе, а следовательно, и к чинам; свобода от податей, от телесных наказаний; неприкосновенность дворянского статуса, за исключением судебного решения, подтвержденного царем; наконец, право владения вотчинами и крепостными²⁹. Последнее право было очень важным. В течение всего XVIII и отчасти XIX века права на собственность дворянства расширились и включали в себя не только землю, но и недра, лесные угодья, заводы и прочие постройки³⁰.

²² Там же.

²³ Извлечения из заседаний неофициального комитета // Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: сочинение автора Истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1869. Т. 1. С. 42.

²⁴ Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire. London; New York, 1999. P. 57.

²⁵ Gooding J. Rulers and Subjects... P. 9. Краткое изложение развития дворянства в XVIII в. см.: P. 8–11.

²⁶ Raeff M. The Russian Nobility // The Nobility in Russia and Eastern Europe / Eds. I. Banac, P. Bushkovitch. New Haven, 1983. P. 109.

²⁷ Wirtschafter E. K. Social Identity in Imperial Russia. P. 30.

²⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность... С. 59.

²⁹ Яновский А. Предисловие // Порай-Кошиц И. А. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. СПб., 1900. С. 5–26. А также: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России. СПб., 1912. С. 12–13.

³⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество... С. 130.

Личные дворяне обладали теми же правами, что и потомственные, за исключением права владеть землей с крепостными, состоять в губернских и уездных дворянских собраниях и участвовать в выборах, как это было закреплено законом от 11 июня 1814 года. В сущности, статус личного дворянина был открыт для всех низкородных гражданских чиновников и военнотружущих с 14-го ранга Табели о рангах, но не мог передаваться по наследству³¹.

Корпоративная идентичность и социальная сплоченность

С тех пор как Петр I сделал дворянство служилым, государственная служба на долгое время стала *raison d'être*³² российского дворянства. По замечанию одного российского исследователя, не служить считалось стыдным. Это было понятно и владельцу тысяч крепостных, и мелкопоместному дворянину. Ни один не мог себе представить жизнь без службы, которая стала краеугольным камнем системы ценностей и кодекса чести дворянина, и особенно это было верно для наиболее известных и родовитых дворянских семейств³³. Что касается низов дворянского сословия, то решения о службе принимались исходя из экономической и финансовой ситуации. Многие начали утверждать, что были и иные способы службы, кроме статской и военной, как, например, управление недвижимостью³⁴.

Русский биографический словарь издания 1904 года содержит статью о дворянине, чье самосознание было типично для конца XVIII века: «Воспитание в кругу старинной дворянской семьи поселило в нем с детских лет любовь к отечеству и чувство долга, чему он остался верен в течение своей продолжительной боевой службы»³⁵. Статья была посвящена генералу И. В. Сабанееву (1772–1829), одному из наиболее выдающихся русских военачальников времен Отечественной войны и фавориту Александра I. Как и следовало ожидать, мировоззрение Сабанеева, по-видимому, не осложнялось сомнениями и двойственными установками, которые оказали влияние на некоторых его знакомых и сослуживцев, что показали события 14 декабря 1825 года. К этой теме мы вернемся позднее³⁶.

Совершенную лояльность режиму и представление о своем месте в нем полностью разделял с Сабанеевым и бывший генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель, которому предстояло испытать ужас и унижение в связи с арестом и последующей казнью своего сына Павла Пестеля, одного из лидеров декабристов. В самом деле, Иван Борисович воспринимал свой долг служения монарху практически как форму христианского и морального долга³⁷. Тем не менее, несмотря на такие примеры и однозначное мнение С. Экштута, упомянутого выше, мы увидим далее в этой главе и особенно в пятой, насколько значительной проблемой для царского правительства было широко распространенное нежелание со стороны многих провинциальных дворян принимать участие в выборах на посты, от которых зависела эффективность местного управления.

³¹ *Акульшин П. В.* Очерки истории Рязанского края, 1778–2000 гг. Рязань, 2000. С. 34; *Иванова Н. А. Желтова В. П.* Сословное общество. С. 122.

³² Предназначение (*фр.*). – *Примеч. пер.*

³³ *Экштут С. А.* На службе российскому Левиафану. Историсофские опыты. М., 1998. С. 43.

³⁴ Детальный анализ способов службы и путей дворянской «эмансипации» см.: *Фаузова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 221.

³⁵ *Колобакин Б.* Сабанеев Иван Васильевич // РБС. СПб., 1904. Т. 18. С. 1.

³⁶ Аналитический разбор преданности и тем и другим см.: *O'Meara P. J.* General D. Kiselev and Second Army HQ at Tul'chin, 1819–29 // SEER. Special Issue Personality and Place in Russian Culture. 2010. Vol. 88. № 1–2. P. 261–290.

³⁷ *Соколова Н. А.* Семейство Пестелей и Россия: новые архивные материалы // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи: Сб. статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2000. С. 361. Кстати, возвращение И. Б. Пестеля не предотвратило краха его карьеры. В 1819 году комиссия при Сенате расследовала его правление в Сибири, и после отчета Сперанского И. Б. Пестель был уволен: Там же. С. 357.

Вероятно, наиболее значительным долгосрочным и судьбоносным последствием реформы 1722 года стал приток в ряды дворян служилых людей, который постепенно изменил состав и характер дворянства, складывавшегося на протяжении многих поколений. Последствия этого процесса заставили Александра Сергеевича Пушкина сожалеть об «уничтожении дворянства чинами»:

Или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство модно будет поступать из других сословий, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством.

За двадцать лет до него то же отмечал и Жозеф де Местр, посланник короля Сардинии Виктора Эммануила I. После пятнадцати лет наблюдений за двором Александра I он пришел к заключению, что «дворяне в истинном значении этого термина как сословия фактически уничтожаются системой чинов». Пушкин придерживался бескомпромиссной точки зрения, согласно которой постепенное разрушение основ дворянства с 1722 года привело сначала к «незаконному» восшествию на престол Екатерины II и в конечном счете к событиям 14 декабря 1825 года³⁸.

И все же, несмотря на пессимизм Пушкина, именно в среде служилого дворянства во время правления Александра I появились первые признаки «гражданского общества»: именно дворяне, будучи в лучших материальных и социальных обстоятельствах, обратили критический взгляд на проблемы общества и стали обсуждать их в весьма модных масонских ложах (по крайней мере, до запрета последних в 1822 году), а также на страницах журналов, книг, в литературных кружках и салонах. Вместе с этим развитием росло ожидание, весьма самонадеянное, что мнения, выраженные гражданским обществом на различных доступных ему площадках, будут должным образом учтены его правителями³⁹.

Гораздо труднее оценить степень, в которой возникающее гражданское общество (и дворянство в целом) разделяло чувство корпоративной идентичности и социальной солидарности. Неудивительно, что мнения по этому вопросу разделились. Российский историк П. Н. Милюков был среди тех, кто разглядел в участии дворянства в дворцовых переворотах XVIII века основной источник корпоративного духа и уверенности в своей власти, что, по его мнению, распространилось и на следующее столетие⁴⁰. Джон ЛеДонн также утверждает, что как часть правящего класса, дворянство всегда имело некоторую форму корпоративной организации, которая служила двойной цели передачи приказов сверху вниз и прошений снизу вверх, а также выделяла лидеров в дворянской среде на местах⁴¹. С этой точки зрения губернская реформа Екатерины II была очень значима, поскольку она обеспечивала дворянству форум во время сессий губернских собраний, что способствовало социализации и взаимодействию дворян различных рангов и имущественного положения, а следовательно, развитию чувства корпоративной солидарности и общих интересов. Другие, однако, ставили под сомнение саму возможность говорить о чувстве общей корпоративной ментальности и чести, учитывая неоспоримость низкого уровня культуры большей части провинциального дворянства⁴².

³⁸ О пребывании де Местра в Санкт-Петербурге с 1803 по 1817 год см.: *Lebrun R. Joseph de Maistre. An Intellectual Militant.* Montreal, 1988. Сл. 6. Пушкин цит. по: *Дземеишкевич П. Ф. Дворянство и революция.* Севастополь, 2012. С. 37. См.: *Пушкин А. С. Заметки о русском дворянстве // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 6. С. 191–195.*

³⁹ *Martin A. M. The Russian Empire and the Napoleonic Wars.* P. 243.

⁴⁰ *Миронов Б. Н. Социальная история России...* Т. 1. С. 108.

⁴¹ *LeDonne J. P. Absolutism and the Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825.* New York, 1991. P. 24.

⁴² См.: *Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire.* P. 99. О природе и характере возникновения гражданского общества в России во второй половине XVIII века см.: *Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-*

Недавнее исследование данного предмета воспроизводит точку зрения Л. В. Милова, который объясняет гораздо более сильное чувство корпоративности у дворян Западной Европы присущей ей устойчивостью землевладельческих традиций. В России, с другой стороны, «разбросанность владений, быстрый переход их из рук в руки, несовместимость принципа майората с реалиями российской действительности – все эти факторы препятствовали складыванию... землевладельческой аристократии в западном значении этого слова»⁴³. «Сословные корпоративные организации, представлявшие собой одну из самых характерных черт сословного общества, в России были слабы. Даже дворянские общества – сословные корпорации потомственных дворян, наиболее оформленные и действенные, охватывали немногим больше половины дворян», в то время как личные дворяне вообще не состояли в корпорациях⁴⁴. Сходным образом, еще одна российская исследовательница объясняет «низкий уровень сословного сознания» и «политический инфантилизм» дворянства во время царствования Александра I и его зависимостью от государственной службы (а также от статуса и престижа, которые она обеспечивала), и острым осознанием зависимости индивида от императора наряду с отсутствием какой-либо реальной политической способности бросить вызов привилегированному положению аристократической элиты⁴⁵.

С другой стороны, в статье, посвященной именно этому вопросу, С. С. Минц утверждает, что ощущение дворянами своей корпоративной идентичности находит подтверждение в многочисленных мемуарах того периода. В качестве примеров она приводит работы М. П. Леонтьева и В. С. Хвостова. Это ощущение сплоченности «класса-сословия», по-видимому, проистекало из уверенности каждого служилого дворянина в его непосредственном участии в управлении государством. Минц утверждает, что даже беглый взгляд на избранные мемуары последней трети XVIII и первой трети XIX века дает богатый материал о степени осознания дворянами своего корпоративного духа. В то же время, признает она, они также свидетельствуют о высокой степени доверия дворянства к самодержавию⁴⁶.

Тем не менее доверие это не воплощалось в деятельной и добровольной службе. Дворяне, как правило, неохотно пользовались своими избирательными привилегиями, несмотря на то что власть знатного землевладельца распространялась за пределы его поместий на всю губернию. Фактически широко распространенное уклонение от выборной службы стало серьезной проблемой в царствование Александра и только усугубило трудности правительства в привлечении дворянства к задачам государственного управления. Этот феномен был отличительной особенностью поведения дворянства и во время правления Павла I. В ответ известный своей вспыльчивостью император сурово наказывал нарушителей. Однако Александр I считал такие наказания чрезмерными и разрешил дворянским обществам самим определять приемлемые взыскания. Эта исходившая из наилучших побуждений стратегия оказалась почти полностью неэффективной⁴⁷.

century Russia. DeKalb, 1999. P. 257; а также: *Wirtschaftler E. K.* Social Identity in Imperial Russia.

⁴³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 560. Цит. по: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 150.

⁴⁴ Там же. С. 722.

⁴⁵ Марасинова Е. Н. Декабристы: аристократическая фронда в России? // Россия XXI. М., 1994. Вып. 1–2. С. 99.

⁴⁶ Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 154. Этот вопрос исследовался далее в: *Dubina V. S.* The «Distinction»: Russian Nobility and Russian Elites in the European Context (the 18th–19th Century) // *Social Evolution and History*. 2008. Vol. 7. № 2. P. 80–100; *Минц С. С.* Мемуары и российское дворянство: источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998. С. 191; *Хвостов В. С.* Записки Василия Семеновича Хвостова. Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова; писано в 1832 году, самим им для детей своих // *Русский архив*. 1870. Т. 8. Кн. 1. Вып. 3. С. 551–598; *Леонтьев М. П.* Мои воспоминания, или события в моей жизни // *Русский архив*. 1913. Кн. 3. № 9. С. 297–342; № 10. С. 504–565; № 11. С. 599–617; № 12. С. 755–778.

⁴⁷ Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. С. 586.

В связи с этим граф А. А. Закревский (1783–1865), бывший одним из ближайших адъютантов Александра I во время кампаний 1813–1814 годов, а в 1823 году ставший генерал-губернатором Финляндии, отмечал: «Дворянин, имеющий порядочное состояние, избегает той должности по выборам, которая ничего не обещает, кроме труда и ответственности». По мнению Н. И. Яковкиной, это заявление указывает на то, что корпоративный дух в среде русского дворянства первой половины XIX века был слабо развит. Это, без сомнения, можно объяснить положением дворянства в экономике, которое, будучи безусловно непростым в первой половине XIX века, оказало значительное влияние на формирование его социальной психологии. Преобладающая в крепостном праве практика барщины сочеталась с низким уровнем пахотного земледелия и низкой производительностью труда, что привело к падению уровня доходов от поместий. Финансовое положение дворянства еще более ухудшилось из-за резкого повышения налогов в 1810 и 1812 годах. Результатом стало повсеместное и растущее обнищание большинства дворян, многие из которых усугубляли свое положение, живя далеко не по средствам, тратя непомерные суммы на обустройство своих загородных поместий и проигрывая унаследованные состояния⁴⁸.

Для многих служба была экономической необходимостью в не меньшей степени, нежели социальным долгом. Один дворянин, И. И. Мешков, вспоминал, что ему с начала пришлось переехать в Пензу, а затем вернуться в родной Саратов в поисках подходящего места службы: «Без службы жить не мог». Также и его брат переехал из Саратова в Астрахань. Мешков объяснял так: «Без должности оставаться было мне невозможно, так как у нас с женою особенных средств к жизни не было, и мы жили одним только моим жалованьем». Со временем Мешкову удалось устроиться на службу к частному лицу, и он стал зарабатывать в три раза больше, чем на государственной службе (1500 рублей против 500 рублей), а к тому же пользовался конторскими дрожками с кучером и парой лошадей. Судя по всему, он был необыкновенно предприимчивым человеком⁴⁹.

Для многих Санкт-Петербург был соблазнительно притягателен, и молодые дворяне массово переезжали в столицу. По мнению историка Н. Ф. Дубровина, эта тенденция была пагубна как для провинции, так и для Санкт-Петербурга, поскольку многие очень молодые дворяне (фактически подростки) оставляли свою учебу, чтобы приступить к службе, которая не слишком их интересовала. Закрепившись в столице, они, подобно герою Пушкина Евгению Онегину, быстро втягивались во все развлечения, доступные в большом городе, и так же стремительно утрачивали ту потенциальную пользу, которую были способны предложить обществу. Среди источников, приведенных Дубровиным в подтверждение, есть письмо В. Н. Каразина, фаворита Александра I в начале его правления и главного инициатора создания первого украинского университета в Харькове. В мае 1815 года в письме Н. И. Салтыкову он жаловался на растущую бюрократию и на «людей праздных, бесполезных, умножающих только дороговизну в столице». Тем временем город заработал сомнительную репутацию места, где не нужно особенно утруждаться, чтобы получать чины. «Можно смело сказать, что две трети служащих совсем не несут службы», – заключил Каразин.

Достигнув штаб-офицерского чина, многие возвращались в провинцию, некоторые (хотя и неохотно) затем избирались уездными предводителями дворянства и не покидали больше своих имений, где жили тихо и безбедно. Другие оставались в столице, «с нетерпением высиживали в Петербурге сроки, положенные для выслуги лет в каждом чине». Отцы и сыновья этой категории жили «праздно и весело, проводя время по большей части в Английском клубе и проживая доходы с имений». Дубровин отмечает, что «придворное ведомство особенно пора-

⁴⁸ Яковкина Н. И. Русское дворянство. С. 11. Теме экономического положения дворянства посвящена часть «Богатство, бедность, крепостные» во второй главе.

⁴⁹ Мешков И. И. Записки Ивана Ивановича Мешкова, чиновника Саратовской и Пензенской губернии, в царствование Александра и Николая Павловичей // РА. 1905. Вып. 6. С. 206, 222–224.

жало обилием ничего не делающего люда». Александр I «смотрел неблагоприятно на придворные звания, если с ними не были соединены другие обязанности, признавал их годными только для внешнего блеска, для придворных выходов и балов, а потому и называл их полотерами»⁵⁰.

Александр не был одинок в своем презрении к праздным дворянам. Чрезвычайно осуждающий взгляд на беспомощность, проистекающую из отсутствия сословной сплоченности, высказывал анонимный исследователь конца XIX века:

...в чем же заключается смысл и значение русской сословности? Ответ опять сам собою подсказывается: отсутствие единодушия, коллективного сознания своих прав и интересов, недостаток общественного взаимодействия, вот черты, которыми дышит каждая страница сословной истории России⁵¹.

В этих обстоятельствах, вопреки любым ожиданиям, казалось маловероятным, что российский прогресс на этом этапе ее истории будет управляться представителями дворянства. Симбирский дворянин, владелец семисот душ, член думы Северного общества декабристов Н. И. Тургенев был одним из наиболее независимо мыслящих экспертов в области законов на государственной службе, пока не покинул Россию в 1824 году, взяв длительный отпуск на службе в министерстве финансов. Тургенев указывал на социальную изоляцию сословия:

Печально то, что изолированность, в которой оказалось русское дворянство, делает путь к цивилизации, и без того слишком медленный в России, еще более трудным; ибо несмотря на все, даже в этом своем виде, это привилегированное сословье стоит во главе нации и от него преимущественно и надо ждать передового движения⁵².

Не так давно Марк Раев указывал на то, что дворянство как класс страдало, как он это обозначил, «основным русским синдромом: аморфность, изменчивость, расплывчатость и неразвитость, слабые институты и социальные структуры». Он признает, что зародыши таких структур действительно иногда появлялись, а некоторые даже достигали ранних стадий развития, но ни одна из них так и не достигла полной зрелости и реализации. Раев выделяет несколько подгрупп дворянства, разделенных по принципу степени зависимости от расположения к ним самодержца: высшие и низшие чиновники, дворяне по рождению и ставшие благородными по службе, придворные и обычные чиновники, владельцы поместий и крепостных и те, кто зависел от своих талантов и служебной карьеры, богатые и бедные, интеллигенция из чиновных дворян и профессионалы, дворяне, получившие частное образование, и те, кто получил образование в государственных школах. Отношения каждой из этих групп к власти и закону отличались, и ни одна из них не могла сформировать консенсус для общих политических (или социокультурных) действий⁵³.

Такие взгляды находят поддержку в исследовании специалиста по социальной истории Бориса Миронова, который отмечает, что дворянство никогда не имело опыта общинной организации общественной или частной жизни. Каждый дворянин всегда был сам по себе

⁵⁰ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1900. Вып. 11. С. 259–260. О взглядах Каразина на современную ему Россию, возмущавшие царя, см.: O'Meara P. J. «The Opinion of One Ukrainian Landowner»: V. N. Karazin, Alexander I, and Changing Russia // Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker. Boston, 2015. P. 315–335. Харьковский национальный университет теперь носит имя В. Н. Каразина.

⁵¹ Ш. Дворянство в России: исторический и общественный очерк. С. 442.

⁵² Декабристы: биографический справочник / Подгот. С. В. Мироненко; под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988. С. 180. Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907. Ч. 2. С. 21 (переиздание: М., 2001). Тургенев был в отъезде в Париже во время Декабрьского восстания и проигнорировал официальные запросы вернуться для опроса по делу заговорщиков. Он заочно был осужден на казнь. Его мемуары «Россия и русские» («La Russie et les Russes») впервые были опубликованы в Париже в 1847 году (переизданы в Лондоне в 2010 году). Трехтомное издание в основном было посвящено крепостному праву и, будучи запрещено в России, пробудило широкий интерес в Западной Европе.

⁵³ Raeff M. The Russian Nobility. P. 118.

и нес личную ответственность за свою службу. Все обязанности перед государством также выполнялись в индивидуальном порядке. Земля или другое имущество никогда не находилось в коллективной собственности или под коллективной ответственностью дворян; последние владели собственностью индивидуально и распоряжались ею по собственному желанию еще до своего освобождения в 1762 году, когда земля еще не была их безоговорочной частной собственностью. Межличностные отношения между дворянами никогда не были добрососедскими или общинными. Дворяне определенного округа поддерживали регулярные контакты друг с другом, и почти все знали друг друга лично, поскольку посещение друг друга хотя бы раз в год считалось уместным. Однако такие местные контакты не создавали доверительных, эмоциональных связей и, как правило, оставались в рамках вежливых, уважительных и формальных отношений⁵⁴.

Этот образец поведения можно рассматривать только как один из примеров системного отсутствия сплоченности, что неизбежно имело бы решающие последствия для способности дворянства как класса оказывать реальное политическое влияние, по крайней мере, до Великих реформ Александра II в 1860-х годах и даже позже. Более того, быстрое расширение государственных учреждений с момента вступления Александра I на престол привело к тому, что дворянство в целом оказалось недостаточно подготовленным и лишенным профессиональных навыков, необходимых для государственных служащих, которыми, в отличие от них, обычно обладали дети священнослужителей и семинаристов. Последние, в свою очередь, поступив на государственную службу, обнаружили, что можно относительно легко достичь чина, необходимого для получения дворянского статуса. Это привело к образованию значительного бюрократического или служилого дворянского класса.

В результате в XIX веке уменьшилось чувство корпоративной целостности, которое было отличительной чертой дворянства XVIII века. Войны с 1812 по 1814 год привели к еще большему дроблению дворянского сословия, хотя сыграли решающую роль в созыве полков ополчения по всей России. Увеличение числа дворян также означало рост числа обедневших дворянских семей, существование которых обеспечивалось лишь очень небольшими поместьями с немногими крепостными. Огромные различия в финансовом положении дворянства будут рассмотрены в следующей главе.

Погруженное в мистицизм, государственную службу и развлечения, дворянство все больше теряло связь со своими классовыми интересами и с провинциями. Чем ближе дворянство соединялось через государственную службу с правительством, тем меньше оно отождествляло себя с дворянским сословием, к которому правительство в лучшем случае было равнодушно, а в худшем – и вовсе враждебно. В провинции тоже произошел сдвиг от классовых интересов к работе на правительство, поскольку дворяне, жившие там, все больше отдалялись друг от друга, имея очень мало общего, особенно в том, что касалось корпоративных или сословных вопросов. Только в Москве у дворянства, стремящегося защищать и продвигать свои сословные интересы, сохранялось чувство общей корпоративной идентичности. Как правило, это были более старые, более консервативные дворяне, жившие во времена правления Екатерины. Им было не по себе от новых идей и тенденций, которые они считали угрозой привилегиям своего сословия. В целом в течение этого периода независимость и самостоятельность дворянства и его способность управлять собственными корпоративными делами постепенно исчезли, поскольку сословие все больше переходило под прямой контроль правительства⁵⁵.

⁵⁴ Миронов Б. Н. Социальная история. Т. 1. С. 410. Об этом см. также хорошо иллюстрированное исследование образа жизни провинциального дворянства: *Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History*. New Haven, 1995. P. 361.

⁵⁵ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление. С. 392–393, 396, 399.

Можно сделать вывод, что во время правления Александра корпоративная идентичность дворянства ослабла, поскольку ее заботы о классовых и сословных интересах уступили место личным амбициям, связанным с чинами и государственной службой. В то же время акцент дворянских собраний сместился с защиты коллективных интересов сословия на все большую озабоченность административными обязанностями и функциями, а также избранием официальных лиц на различные должности. Таким образом, кажется справедливым заключить, что дворянство XIX века не представляло собой по-настоящему целостную корпорацию с точки зрения происхождения, собственности или социального статуса⁵⁶.

⁵⁶ Об этом см.: *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 231–233.

Глава 2 Определения положения дворянства

Социальный статус и государственная служба

Русское дворянство традиционно отделяло себя от других сословий как культурой, так и языком. По язвительной оценке Николая Тургенева, «русское дворянство отличается от других сословий не только своими многочисленными преимуществами; оно отличается еще также и внешностью, своим костюмом; и кроме того, так как всего этого может быть не достаточно для отличия, оно еще – по крайней мере, высшее дворянство – отказывается от родного языка и пользуется обыкновенно иностранным языком даже в частной жизни, даже в своей семье»⁵⁷.

На страницах своего журнала «Русский вестник», который он начал издавать в 1808 году, С. Н. Глинка уже предупредил об искусственном своеобразии русского дворянства, видя это одновременно опасным и трагичным: «В недрах отечества возникло общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область *иноплеменную*. Кто суть члены этого общества? Большая часть помещиков и богатых людей»⁵⁸.

В любом случае положение дворянства начало меняться в первой четверти XIX века по мере того, как зарождающийся купеческий класс занимал все более видное место с развитием фабрично-заводской промышленности. Действительно, многие дворяне сами стали предпринимателями. В одном исследовании отмечается, что к 1813–1814 годам дворянам принадлежали 64 % шахт, 78 % фабрик по производству сукна, 60 % бумажных фабрик, 66 % заводов по производству хрусталя и стекла и 80 % заводов по производству поташа⁵⁹.

Недавнее исследование показывает, что численность русского дворянства в первой половине XIX века значительно выросла. В конце XVIII века дворян было около 500 000 мужчин и женщин. Спустя пятьдесят лет эта цифра увеличилась почти вдвое: только в европейской части России насчитывалось 609 973 потомственных и 276 809 личных дворян, к которым можно добавить 17 484 в Сибири и 13 000 на Кавказе, что в общей сложности составляет около 918 000 человек⁶⁰. Фактически, дворянство росло быстрее, чем любая другая социальная группа в имперской России, и демографически было наиболее динамичным сословием. Оно выросло в 4,3 раза за 76-летний период между 1782 и 1858 годами, тогда как общая численность населения просто удвоилась, а крестьянство росло даже несколько меньшими темпами. Более трети всех приведенных выше цифр составили польские шляхтичи, 323 000 из которых перешли под власть России в результате разделов Польши при Екатерине II. В социальный состав империи входили также украинские казахи «старейшины», балтийские бароны, грузинские князья, а также турко-татарские, немецкие и другие нерусские дворяне, такие как мурзы Оренбургской губернии. Замечательное разнообразие дворянства в Российской

⁵⁷ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907. Ч. 2 (репринт: СПб., 2001). С. 21. В этом вопросе под иностранным языком подразумевается французский. Билингвизм дворянства Александровской поры обсуждается в контексте дворянского воспитания и образования в третьей главе нашего исследования.

⁵⁸ Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 153. Курсив принадлежит Глинке. С. Н. Глинка (1775–1847) был братом декабриста Ф. Н. Глинки. Он дал самую раннюю оценку – по сути панегирик – правлению Александра I: История жизни и царствования Александра I. М., 1828. Он также написал «Русскую историю» в 14 частях (М., 1824–1825) и публиковал «Русский вестник» (1808–1824), журнал с похвальной целью, как ее обозначил в свое время П. А. Вяземский, «знакомить русских с Россией» (Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки... С. 153).

⁵⁹ Hartley J. M. A Social History of the Russian Empire. P. 57.

⁶⁰ Яковкина Н. И. Русское дворянство. С. 8–9.

империи привело одного авторитетного исследователя к выводу, что «ни одно другое дворянство не было так открыто для притока извне или так лишено глубоких отечественных корней»⁶¹.

Дворян мужского пола в Российской империи в 1816 году насчитывалось немногим более 429 000 человек, что составляло примерно 1 % от общей численности населения, что делало российское дворянство пропорционально больше, чем дворянство в Швеции или Франции, хотя и меньше, чем, например, в Польше или Венгрии⁶². Эти цифры следует рассматривать в контексте общей численности населения Российской империи в 1800 году, составлявшей 40 миллионов человек, по сравнению с 29 миллионами во Франции, 20 миллионами в империи Габсбургов и 16 миллионами на Британских островах. В центральных регионах России перепись 1816 года точно показала наличие в целом 96 600 дворян мужского пола, что составляет крошечные 0,83 % от общей численности населения. Тем не менее эта цифра представляет собой значительное увеличение на 56 % по сравнению с 54 000, указанными для 1770-х годов, примерно на сорок лет ранее.

Дворяне находились во всех тридцати семи губерниях, составляющих собственно Россию, но были в значительной степени сконцентрированы в двух столицах и в Смоленской губернии, составляя в 1816 году 44,8 % от общего числа. В том же году средний показатель по 26 губерниям Центральной России составил 2317 человек, что на 63,5 % больше, чем 1473 дворянина на губернию в 1782 году. Категория личного дворянства, созданная Жалованной грамотой 1785 года, росла так быстро во время правления Александра I, что к 1816 году его численность даже превысила численность потомственного дворянства: 48 854 личных дворянина против 47 746 потомственных дворян. Кроме того, личное дворянство было сосредоточено в губерниях Санкт-Петербурга (39,2 %) и Москвы (12,5 %), так что более половины из них жили в губерниях двух столиц по сравнению с 8,4 % потомственных дворян⁶³.

К 1800 году примерно половину населения России составляли крепостные, принадлежавшие примерно 400 000 дворян, чьи полномочия были сопоставимы с полномочиями американских рабовладельцев или английских помещиков⁶⁴. Будет справедливым подчеркнуть, что основной чертой потомственного дворянства на протяжении всей его истории была его относительная немногочисленность, если учесть управляющую, модернизирующую и цивилизаторскую роль, которую, согласно ожиданиям государства, оно должно было играть в российском правительстве и обществе⁶⁵.

Со стороны потомственной знати было некоторое остаточное пренебрежение к «новым» послепетровским чиновным (личным) дворянам. Например, в начале XIX века на заседании Негласного комитета Александра I граф П. А. Строганов определил состояние русского дворянства: «Что такое наше дворянство? Дворянство составилось у нас из множества людей, сделавшихся дворянами только службою, не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора... Это сословие самое невежественное, самое ничтожное...»⁶⁶

⁶¹ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. P. 176–277, 182.

⁶² Hartley J. M. *A Social History of the Russian Empire*. P. 18. В. И. Буганов приводит цифру 150 500 дворян-мужчин в европейской части России на 1816 год, из которых примерно половина (44,2 %) были личными дворянами, остальные потомственными: Буганов В. И. *Русское дворянство // Вопросы истории*. 1994. № 1. С. 37. Теодор Шиман насчитывал к последнему году правления Александра I (1825) 225 000 потомственных дворян и 500 000 личных: Schieman T. *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I*. P. 389.

⁶³ LeDonne J. P. *The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 142; LeDonne J. P. *Absolutism and the Ruling Class*. P. 22, 24.

⁶⁴ Об этом см.: Martin A. M. *The Russian Empire and the Napoleonic Wars*. P. 243–244.

⁶⁵ Lieven D. *The Elites // The Cambridge History of Russia*. Vol. 2: *Imperial Russia, 1689–1917* / Ed. D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 229–230.

⁶⁶ Яковкина Н. И. *Русское дворянство*. С. 8–9. Об антагонизме между потомственными и личными дворянами см.: Рома-

В своей до сих пор актуальной работе о жизни в России начала XIX века Н. Ф. Дубровин утверждал, что из всех прав и привилегий, которыми пользуется дворянство, больше всего их привлекает (кроме исключительного права собственности крепостных) свобода от службы. Он выделил три категории дворян во время правления Александра I: «Во-первых, оно состояло из большого числа помещиков, живших в полнейшем невежестве; во-вторых – из людей полувоспитанных, не имевших никакого понятия о России и едва знавших имена губернских городов»; третья часть дворянства состояла из людей хорошо образованных, но они держались особняком, избегая любых контактов с остальным российским обществом. Как отголосок графа Строганова глубоко пессимистический взгляд Дубровина, выраженный почти столетие спустя, приводит его к выводу, что в любом европейском обществе дворянство занимало бы ведущее место и играло бы важную роль. Но, к сожалению, в России дворянство «тунеядствовало, ссорилось между собой, не было подготовлено к серьезным занятиям и к полезной государственной деятельности»⁶⁷.

Корректируя эту мрачную оценку, Раев полагает, что после 1801 года общественная жизнь все чаще велась вне публичного пространства и за закрытыми дверями, перемещаясь из «официальной обстановки» в частные сообщества, такие как литературные салоны «республики ученых», в том числе «Арзамас», и Английские клубы в Санкт-Петербурге и Москве. Они служили местом встречи для людей с более высокими интеллектуальными потребностями, где участники могли обмениваться информацией и делиться идеями о текущих событиях в литературе и искусстве. Массонские ложи также стали скрытыми местами встреч для членов элиты, предоставляя им относительно безопасную среду для оживленных споров, а также критики социального и этического характера режима⁶⁸.

Тем не менее некоторые дворяне той эпохи понимали потенциальную важность отношений между дворянством и государством. Например, Д. П. Трошинский, полтавский губернский маршал, министр юстиции с 1814 по 1817 год, утверждал, что только через государственную службу дворянство может надеяться получить должное политическое значение и «гражданское существование». Именно в этом духе дворянин в своих поместьях действовал отчасти как агент правительства, собирая налоги, набирая для армии рекрутов и поддерживая общественный порядок. По словам Н. М. Карамзина, в своем имении дворянин должен быть «генерал-губернатором в миниатюре» и «потомственным начальником полиции»⁶⁹. В конце концов, по мнению Д. П. Трошинского, в России имеются только два класса людей: «управляющие и управляемые, из которых первые могут делать все, а последние ничего». Историк С. А. Корф с энтузиазмом поддержал лаконичное определение Трошинского замечанием: «Нельзя вернее охарактеризовать положение дворянства!»⁷⁰ По словам Доминика Ливена, российские элиты представляли собой весьма специфический вариант общеевропейского феномена, поскольку их позиция по отношению к короне была намного слабее, чем в большинстве остальных стран Европы. Ливен заключает, что отсутствие феодальных традиций или, по крайней мере, традиций, сохранившихся до XVIII века, часто (и правильно) упоминается как одна из ключевых слабостей русской аристократии⁷¹.

Как указывалось выше, этика службы оставалась очень важной после перелома 1762 года и до середины XIX века. Состоятельные молодые дворяне обычно несколько лет служили

нович-Славянский А. В. Дворянство в России. С. 22–23; Raeff M. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York, 1984. P. 103–112.

⁶⁷ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // РС. 1899. Т. 97. С. 547–548.

⁶⁸ Raeff M. Understanding Imperial Russia. P. 135.

⁶⁹ Цит. по: Шепелев Л. Е. Чиновный мир. С. 359.

⁷⁰ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление. С. 351. О службе Трошинского Д. П. генерал-прокурором см.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995. С. 127–150.

⁷¹ Lieven D. The Elites. P. 239.

в армии (или, реже, на гражданском поприще), прежде чем уйти в частную жизнь: вступить в брак и управлять имуществом⁷². Как считал ЛеДонн, эта тенденция была усилена политикой Александра I, делавшей доступ к полевым (строевым) офицерским корпусам – в отличие от служб снабжения – исключительной прерогативой тех, кто имеет благородное происхождение: «Дворянин, таким образом, служил преимущественно в армии, где он осуществлял безоговорочную власть над дворянскими подчиненными и солдатами-крестьянами; или он служил в гражданском аппарате, где он обладал аналогичной властью над зависимым населением; или оставался в своем имении, где его власть над крепостными была почти абсолютной»⁷³.

Правительство создало школы для дворянских детей, чтобы они, в свою очередь, могли служить государству более эффективно, чем их отцы. И это несмотря на прямое указание в Манифесте 1762 года на обязательное образование для дворян, положение, которое так и не было реализовано. Новая мера, принятая в правление Александра I, свидетельствовала о признании серьезной проблемы, связанной с нехваткой достаточно образованных дворян для удовлетворения потребностей государственной службы. Эта представлявшаяся трудноразрешимой проблема в течение нескольких лет вынуждала правительство обращаться к семинариям, откуда оно набирало, как правило, среднего класса, хорошо образованных и трудолюбивых выпускников. Наиболее известным из них был М. М. Сперанский. Эта политика не могла не повлиять на структуру дворянского сословия, вызвав то, что современный комментатор и мемуарист Ф. Ф. Вигель определил как формирование «нового сословия <...> – сословия бюрократов», которое «беспреданно умножаясь, можно сказать, как сеткой покрывает ныне всю Россию»⁷⁴.

Как мы уже отмечали, Александр I считал, что личные качества должны определять положение человека в обществе. По его мнению, те, кто был полезен отечеству, были дороже тех, кто бездельничал, и царь считал, что поступление на государственную службу должно было происходить на конкурентной основе. В качестве примера Корф приводит отказ Александра I после 1812 года ставить дворянство над воинством в своем благодарственном манифесте за участие народа в Отечественной войне. Царь настаивал на том, что воинство имеет приоритет, поскольку он по-прежнему не симпатизировал привилегированной и инертной аристократии⁷⁵. Адмирал А. С. Шишков, ответственный за разработку манифеста, оставил интересный рассказ об этом эпизоде. Он вспоминал, что царь, услышав зачитанный ему первый черновик, спросил Шишкова «с некоторой суровостью», почему он поставил дворянство выше воинства. Шишков ответил, что дворянство – это «первое государственное сословие», которое, в конце концов, снабжает войско «из среды себя» офицерским корпусом. Александр прервал Шишкова и сердито приказал ему изменить порядок статей в манифесте. На следующий день Шишков принес Александру исправленный черновик на подпись и снова зачитал ему. Но на этот раз Александр категорически возражал против описания отношений помещиков и крестьян как «на обоюдной пользе основанны[x]», называя это выражение со своим мнением «несогласным и несправедливым». Коротко оборвав Шишкова, царь сердито вычеркнул окончательную фразу под бдительным оком молчаливого великого визиря А. А. Аракчеева. Шишков завершил свой рассказ замечанием, что в отчуждении Александра «от всего русского» виноват «француз Ла Гарп» и другие молодые члены его окружения, «воспитанники французов»⁷⁶.

⁷² Ibid. P. 229.

⁷³ *LeDonne J. P.* Absolutism and the Ruling Class. P. 8.

⁷⁴ Цит. по: *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление. С. 363.

⁷⁵ Там же. С. 365–366.

⁷⁶ *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / Изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. Berlin, 1870. Т. 1. С. 308–309. А. С. Шишков (1754–1841) был назначен на должность государственного секретаря на место М. М. Сперанского в марте 1812 года. Он был консервативным защитником русских культурных и языковых особенностей, особенно после того, как занял пост министра народного просвещения в мае 1824 года.

По мнению Корфа, Сперанский правильно определил главные недостатки дворянства: «его косность, невежество и отсутствие стремлений к просвещению». Этот известный государственный деятель заметил: «Я нахожу в России только два сословия: это – рабы верховной власти и рабы землевладельцев». К этому Корф добавил, что дворяне очень опасались потерять свои привилегии и преимущества. Сперанский также правильно признавал, что провинциальное дворянство находилось под контролем губернаторов и поэтому оказалось неспособным вести свои дела хоть сколько-нибудь независимо. Он полагал, что все сводилось к отсутствию адекватного образования. Хотя в начале XIX века просвещенные и либеральные идеи проникли в российское общество обеих столиц, они затронули лишь меньшинство. По мнению Корфа, большая часть знати, особенно в провинции, продолжала коснеть в невежестве⁷⁷. Или, как сказал Вигель в своей типично беспощадной манере: «Кому известна Россия, тот знает, на каком зыбком основании поставлена наша так называемая аристократия»⁷⁸. Однако биограф Вигеля С. Я. Штрайх справедливо отмечает, что тот испытывал «жгучую ненависть к родовой аристократии». У Вигеля были личные причины постоянно негодовать на богатых и влиятельных дворян и обвинять их – и прежде всего Сперанского – в своих служебных неудачах.

Не только Вигель презирал дворянство. Это мнение разделял и бывший покровитель Вигеля в министерстве иностранных дел Ф. В. Ростопчин, который, как мы увидим, решительно высказал его в своем письме царю⁷⁹. Напротив, Александр Пушкин использовал любую возможность, чтобы гордо заявить о своем статусе потомственного дворянина. Поэтому его не впечатлила знаменитая стихотворная строка поэта-декабриста К. Ф. Рылеева «Я не поэт, а гражданин», но понравилась остроумная пародия П. А. Вяземского: «Я не поэт, а дворянин». А в письме к Рылееву Пушкин писал: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (N. В. мое дворянство старее)»⁸⁰.

В Санкт-Петербурге дворянское общество разделилось на два класса: высшая аристократия и различные дворяне-бюрократы, которые работали в многочисленных канцеляриях. По мере роста бюрократического класса дворянство теряло интерес к вопросам, относящимся к их поместьям, и вместе с этим терялось значение его эффективного управления. Все больше и больше дворян покидали провинцию, а местные интересы игнорировались или совсем предавались забвению. Однако, вместо того чтобы способствовать прогрессу в столицах, дворяне «околачивались» в министерских канцеляриях. Либо они бесцельно проводили свои дни на утомительных военных парадах, которые были отличительной чертой повседневной жизни в царствование Александра I, унаследованной от строгого режима его отца в Гатчине. Служба в столицах совершенно лишала дворянство энергии, оно все больше сливалось и отождествляло себя с разрастающейся бюрократией. С. А. Корф рассматривает подавляющую косность и пассивность дворянства как качества, обеспечивавшие социальную и политическую стабильность, – качества, ценившиеся Н. М. Карамзиным и другими ведущими консерваторами, но вызывавшие сожаление у М. М. Сперанского и тех, кто стремился к прогрессу России⁸¹. Современный им британский обозреватель Роберт Пинкертон, живший в Москве в 1810 и 1811 годах на службе Библейского общества, заметил, что

все классы знати слишком любят праздные и развращающие занятия, которым предаются баловни судьбы и других европейских стран – они увлечены играми, балами, маскарадами, вечеринками и азартными играми;

⁷⁷ Цит. по: Корф С. А. Дворянство и его сословное управление. С. 375, 368, 377–378.

⁷⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 111.

⁷⁹ Там же. С. 571. О письме Ф. В. Ростопчина см. пятую главу нашей работы.

⁸⁰ Пушкин А. С. Собр. сочинений в 10 томах. М., 1959–1962. Т. 9. Письма 1815–1830. С. 201. Об этом обмене мнениями см.: Driver S. N. Pushkin, Literature and Social Ideas. Oxford, 1989. P. 5. Послание Рылеева адресовано А. А. Бестужеву в поэме «Войнаровский». См.: О'Мара П. К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 199.

⁸¹ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление. С. 381–384.

ибо они не получают удовольствия от полезного занятия; и, судя по их действиям, можно было бы подумать, что многие из них считают жизнь подаренной ни с какой другой целью, кроме как давать и получать развлечения⁸².

Хотя социальное и профессиональное продвижение на царской службе продолжало оставаться традиционным стремлением русского дворянства, во время правления Александра I такие амбиции увеличивались в контексте быстрого развития нового класса бюрократов, что само по себе являлось прямым следствием созданных царем в начале своего правления министерств. В погоне за чином продвигавшиеся вверх дворяне неизбежно вливались в эту растущую бюрократию. Однако все попытки Александра мобилизовать дворянство, чтобы улучшить управление губерниями и повысить качество их жизни, оказались безуспешными. Как и во времена Екатерины, дворянству это было просто не по плечу, и оно не оправдало надежд монарха.

Тем не менее бюрократия была единственной составляющей дворянства, способной предоставить царю новые формы политических институтов для управления. Однако именно эта бюрократия так легко и полностью поглотила дворянское сословие, что привело к большей централизации государства в ущерб провинциям⁸³. Прочитируем точку зрения Корфа: «Дворянство как привилегированное сословие было обречено на смерть; стремясь к чину и карьере, оно все больше сливалось и отождествлялось с бюрократией и готовило себе конец, наступивший его во второй половине XIX века»⁸⁴.

Богатство, бедность, крепостные

«Русское дворянство самое бедное во всем свете». Так гласит суровое наблюдение в дневниковой записи 1803 года Этьена Дюмона, который родился в Женеве в 1759 году и некоторое время проживал в России⁸⁵. Об огромном неравенстве благосостояния и социального положения представителей знати можно судить по замечанию министра народного просвещения с 1828 по 1833 год князя К. А. Ливена: «Линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется».

Действительно, были случаи, когда дворяне жили на уровне прожиточного минимума почти так же, как и их крепостные. Правительственный отчет за 1843 год показал, что 9287 дворян (в основном в Смоленской, Рязанской, Симбирской, Калужской и Вологодской губерниях) владели небольшими участками земли, они не имели крепостных и вели образ жизни, практически неотличимый от крестьянского⁸⁶. За годы, предшествовавшие манифесту об освобождении крестьян 1861 года, положение мало изменилось. Анализ распределения крепостной собственности в 1858–1859 годах показывает, что 1400 самых богатых землевладельцев империи, составлявших 1,4 % всех владельцев крепостных, имели 3 миллиона крепостных, в то время как 79 000 более бедных владельцев, или 78 % крепостных собственников, владели лишь

⁸² *Pinkerton R.* Russia: Or, Miscellaneous Observations on the Past and Present State of That Country and Its Inhabitants. London, 1833. P. 316–317.

⁸³ Существует множество исследований, посвященных российской провинции, в которых затронут вопрос укрепления провинциальной идентичности. Для обзора см.: *Smith-Peter S.* Bringing the Provinces into Focus: Subnational Spaces in the Recent Historiography of Russia // *Kritika*. 2011. Vol. 12. № 4. P. 835–848.

⁸⁴ *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление. С. 440, 445, 447–448, 451 (цит.).

⁸⁵ *Дюмон П. Э.* Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. / Излож. и отрывки С. М. Горяинова // *Голос минувшего* (далее – ГМ). 1913. Вып. 3. С. 82. Также по теме финансового состояния дворян см.: *Hartley J. M.* Russia, 1762–1825. Military Power, the State, and the People. Westport, CT, 2008. P. 318; *Миронов Б. Н.* Социальная история; *Kahan A.* Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago, 1989. P. 244.

⁸⁶ *Шенелев Л. Е.* Чиновный мир. С. 359; *Confino M.* The Nobility in Russia. P. 129.

2 миллионами крепостных. Эти цифры приводят Ричарда Пайпса к выводу, что «подавляющее большинство русских дворян на протяжении всей истории едва сводили концы с концами»⁸⁷.

Однако это не мешало им продолжать пользоваться благородным статусом. Автор недавнего исследования сословий России справедливо замечает, что «сама банальность образа обедневшего русского дворянина показывает, что дворянство не было сословием, которого чуждались, несмотря на значительную экономическую нисходящую мобильность»⁸⁸. Огромные различия в крепостнической собственности среди помещиков в России не были новостью. Данные по Тамбовской губернии конца XVIII века показывают, что четырьмя крупнейшими душевладельцами были Л. А. Нарышкин – 8444 крепостных, Д. Л. Нарышкин – 3750 душ, граф К. Г. Разумовский – 5750 душ и П. П. Баташов – 2905 душ. Для сравнения – среди их соседей числятся четверо с самым скромным числом душ: трое владели двумя крепостными и один помещик владел только одним⁸⁹.

Этьен Дюмон предположил, что одна из причин обнищания стольких русских дворян заключалась в том, что они редко брали на себя труд посещать свои поместья и должным образом управлять ими. В противном случае, утверждал он, они вполне могли бы легко увеличить свой доход в пять, даже в десять раз, улучшив тем самым не только свое собственное положение, но и положение своих крепостных. Вместо этого они обычно проводили лето, живя в одной из своих деревень, никогда не покидая ее, чтобы провести надлежащую инвентаризацию остальных своих земельных владений. Если бы иностранцам было разрешено покупать землю в России, «ничего нет легче, как получить из имения восемнадцать процентов на свой капитал». Явный вывод из замечания Дюмона состоит в том, что в целом русские дворяне были слишком безответственны и ленивы, чтобы беспокоиться о решении проблемы, отсюда и беспрецедентная бедность, которую он приписывал им⁹⁰. Его точку зрения дополняет следующее наблюдение Н. И. Тургенева, современного ему летописца России и русских: «Дворянское сословие в России многочисленно. Есть очень богатые, есть очень бедные, живущие на клочке земли с двумя или тремя семьями крепостных, которых они эксплуатируют, как только могут. В некоторых деревнях есть дворяне, которых нельзя отличить от крестьян ни по внешнему виду, ни по образу жизни и занятий, которые, тем не менее, никогда не покидая своих пепелищ, продолжают владеть по праву, принадлежащему исключительно дворянству, несколькими душами себе подобных существ»⁹¹.

Наблюдение Тургенева, в свою очередь, находит подтверждение в дневниковой записи 1805 года купца Ивана Толченова о случайной встрече в Тверской губернии к северу от города Устюжины с некоторыми обедневшими дворянами:

В сих окрестностях живут во множестве мелкопоместные дворяне, из коих некоторые не только не имеют приличного своего званию воспитания, но и от службы удаляются. В числе таковых три брата по фамилии Розбитных, имеющие за собою 7 душ, содержат почту и сами на козлах ездят в русском сером кафтане и совершенно крестьянском одеянии и притом все трое молодых лет⁹².

⁸⁷ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. P. 175.

⁸⁸ Smith A. K. *For the Common Good and Their Own Well-being. Social Estates in Imperial Russia*. Oxford, 2014. P. 9.

⁸⁹ Дубасов И. И. Из Тамбовских летописей // Исторический вестник. СПб., 1880. № 9. С. 144.

⁹⁰ Дюмон П. Э. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // ГМ. 1913. Вып. 2. С. 157.

⁹¹ Тургенев Н. И. *Россия и русские*. Т. 2. С. 11, 18.

⁹² Толченов И. А. Журнал или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова / Вступ. статья Н. И. Павленко; коммент. В. Х. Бодиско. М., 1974. С. 374–375.

Дэвид Рансел комментирует: «Положение этих дворян весьма контрастировало <...> с той жизнью, которой [купец Толченев] наслаждался в своем [родном городе] Дмитрове»⁹³. Ко второй половине правления Александра и через несколько лет после драмы 1812 года в сельской дворянской жизни, кажется, мало что изменилось, по крайней мере если судить по яркому описанию случайной встречи с представителями местной знати в Одоевском уезде Тульской губернии из дневниковой записи 1818 года 18-летнего А. А. Тучкова: «На дороге встретили мы одного из здешних помещиков – у него 5 душ, и он шел осматривать труды своих рабов. Нельзя было поверить, чтобы этот человек был помещиком: белье, шлафрок, зеленая фуражка с красным ободочком, белые чулки. Мужичьи сапоги – вот весь его наряд, грудь нараспашку и с палкою, и небритую седую бородой. Хорошо, что извозчик сказал мне, что это барин, а зовут его Афанасий Степанович». Тучков находился в этом районе по служебным делам, составлял топографический и статистический отчет, и эта встреча заставила его заметить: «Что же касается до самих помещиков, то я не знаю, с чем можно их сравнить – вот их образ жизни: встают рано, пойдут осмотреть работу крестьянина, секут, ежели покажется дурною, потом пьют травник и сивуху, не знаю только, в какое время: я видался с иными поутру рано, с другими поздно, с иными в полдень, и везде заставал если не водку (ибо это дорого), то сивуху или травник. Из числа этих праздношатающихся разбойников и пьяниц не исключаются и женщины; без сомнения, последних гораздо меньше».

Затем Тучков перечисляет «имена всех негодяев Одоевского уезда» и по инициалам идентифицирует шестерых мужчин и двух женщин. Его взгляд на продолжающийся социально-экономический ущерб, причиняемый такими представителями знати, ожидаемо пессимистичен, даже для подростка: «Никогда не истребятся злые властелины, ибо их и много, и большая часть в ужаснейшем невежестве: они любят иметь рабов, ибо они сами рабы, но не ищут своей собственной свободы, а довольствуются тем, что могут угнетать других»⁹⁴. Выводы Тучкова были основаны на его наблюдениях за представителями значительной категории мелкопоместных дворян, которым принадлежало менее ста крепостных, а порой (и это было даже типичнее) менее двадцати.

Именно эта группа, как отмечает Жером Блюм в своем классическом исследовании русских помещиков и крестьян, была особенно бедной. Ими велась постоянная борьба за то, чтобы свести концы с концами, так что у них не было ни времени, ни средств, чтобы должным образом поддерживать свой социальный статус, и они едва ли могли позволить себе покинуть свой «мелкопоместный сельский мир», даже когда у них была возможность или стимул сделать это. Блюм приводит в пример отчет, составленный в 1857 году рязанским дворянином, в котором выяснялось, что 1700 дворянских семей, или четверть всех дворянских хозяйств этой губернии, были настолько бедны, что «вместе со своими крестьянами составляют одно семейство, едят за одним столом и живут в одной избе». Блюм полагает, что дворяне в значительной степени сами были ответственны за такое положение дел: «Их упорное поддержание многовекового обычая делить свое недвижимое и личное имущество между наследниками имело неизбежный результат дробления вотчин с каждым последующим поколением». Вторя современной описываемым событиям точке зрения Дюмона, Блюм считал, что их «непредусмотрительность и расточительность» (типичные для катастрофической привычки использовать с трудом полученные ссуды в первую очередь для поддержки предпочитаемого ими роскошного образа жизни) усугублялись их общим отсутствием интереса к способам улучшить

⁹³ *Ransel D. L. A Russian Merchant's Tale. The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchenov, Based on His Diary.* Bloomington; Indianapolis, 2009. P. 236.

⁹⁴ *Тучков А. А. А. А. Тучков и его дневник 1818 года // Вестник Европы.* СПб., 1900. Т. 4 (204). Кн. 8. С. 690, 694. Алексей Алексеевич Тучков (1800–1878) происходил из известной дворянской семьи, в 1818 году недолго был членом «Союза благоденствия». Его дочь Наталья Тучкова-Огарева была женой Николая Огарева с 1849 по 1856 год, а в 1857 году стала женой Александра Герцена. См.: *Мироненко С. В. Декабристы: биографический справочник.* М., 1988. С. 180–181.

свои сельскохозяйственные операции и тем самым добиться более высокой отдачи от своих земельных владений⁹⁵.

Однако очевидная причина была в том, что представители дворянского сословия получали свое значение, богатство и социальный статус не только из-за службы, которую они оказали трону (а также из своего предполагаемого более высокого культурного уровня), но и в решающей степени из-за своего положения помещиков, а также и количества крестьян в их владении. Ключевым показателем богатства в дореформенной России было не количество земли в собственности, а количество крепостных. Фактически, с конца XVIII века у большинства дворян было лишь небольшое количество крепостных: свидетельства 1777 года, приведенные одним специалистом, показывают, что 32 % дворянских землевладельцев имели менее десяти крепостных, а еще 30 % владели десятью-тридцатью крепостными. Только 16 % дворян-землевладельцев владели более чем ста крепостными – они составляли среднюю категорию (среднепоместное дворянство), если у них было до пятисот крепостных, или высшую категорию (крупнопоместное), если у них было более пятисот. Большинство, кто владел менее чем ста крепостными, составляли категорию мелких собственников (мелкопоместное).

Эта ситуация продолжалась и в XIX веке, так что к 1858 году 40 % всех землевладельцев владели менее чем двадцатью крепостными. По-настоящему богатыми были лишь сравнительно немногочисленные действительно крупные землевладельцы с более чем шестью тысячами крепостных, а в XVIII и первой половине XIX века их насчитывалось не более ста пятидесяти семей. Исследование Рязанской губернии показывает, что мелкопоместное дворянство в особенности сокращалось с каждым десятилетием: в 1794 году было 7800 мелких поместий, шестьдесят лет спустя – 6300. В 1815 году насчитывалось 6400 мелких дворянских землевладельцев, из них только 5200 осталось к 1857-му⁹⁶. Кроме того, все большее число потомственных дворян вообще не были владельцами крепостных. Поражает статистика: 77 % российских офицеров, сражавшихся при Бородине в 1812 году, не являлись ни собственниками имений, ни их наследниками⁹⁷. Менее чем через десять лет после окончания правления Александра I данные, относящиеся к 1834 году, показывают, что из 106 000 дворян с менее чем ста душами 17 000 вообще не имели земли⁹⁸.

Сведения о финансовых трудностях, с которыми довольно часто сталкивается дворянство, и о том, какой образ жизни, таким образом, был достижим, дают мемуары С. И. Мосолова. Его военная карьера началась рано и многообещающе благодаря связям его отца с генералом П. С. Салтыковым во время правления Павла I. Однако Мосолов оказался среди многих дворян, чье продвижение по службе и сопутствующий статус стали жертвой капризности императора. При вступлении на престол Александра I Мосолов, на тот момент в возрасте 51 года, успешно подал прошение новому царю, предложив свои услуги и потребовав восстановления его соответствующего воинского звания (старшинство). Ему была присуждена пенсия, которой он не просил из гордости, и предоставлено право носить армейскую форму, за что, по словам Мосолова, он позже имел возможность лично поблагодарить царя. Однако стало очевидно, что пенсии было недостаточно, чтобы позволить ему постоянно проживать в Москве, где у него был дом на Малой Дмитровке. Вместо этого Мосолов вынужден был жить в провинциальном городе Бронница, в 25 километрах к востоку от Новгорода. Несмотря на это, его московский дом давал ему скромный доход от аренды за счет размещения военнслужащих. Однако, когда потребовался срочный ремонт, Мосолову не оставалось ничего другого, как затянуть

⁹⁵ *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. New York, 1967. P. 375–376, 384–385. Цит. по: Соловьев Я. А. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. СПб., 1881. Т. 30. С. 746–747.*

⁹⁶ *Waldron P. Governing Tsarist Russia. Basingstoke, 2007. P. 56; История одной губернии: очерки истории Рязанского края, 1778–2000 гг. / Под ред. П. В. Акулышина. Рязань, 2000. С. 454; Confino M. The Nobility in Russia. P. 129.*

⁹⁷ *Lieven D. The Elites. P. 231.*

⁹⁸ *Wirtschaftler E. K. Social Identity in Imperial Russia. P. 33; Hartley J. M. Russia, 1762–1825. P. 56.*

пояс потуже, продать самое ценное имущество, а потом и поднять арендную плату до необходимых ему 900 рублей. Сюда входили его обеденный сервиз, серебряные чашки, столовые приборы, люстры и даже ломберный столик. Затем, когда его дом был отреставрирован, он провел зиму в Москве, а лето в загородных поместьях разных друзей (четырех из которых он называет), пребывая у них от недели до двух с половиной месяцев и напоминая неизменно присутствующего в рассказах и пьесах Антона Чехова и Ивана Тургенева приживальщика⁹⁹.

Для дворянства были несомненные выгоды в поддержании традиции служения государству, поскольку это было источником некоторой финансовой безопасности и регулярного дохода. Тем не менее были случаи, когда верные и высокопоставленные слуги короны оказывались в чрезвычайно тяжелой ситуации. Это явление иллюстрирует печальный случай несчастного барона Г. А. Розенкампа, который когда-то был помощником Н. Н. Новосильцева и, в начале царствования Александра I, был близок к двум другим членам Негласного комитета – графу П. А. Строганову и князю Адаму Чарторыйскому. Попав в немилость во второй половине царствования Александра, Розенкамп умер во время правления Николая I (16 апреля 1831 года) в такой нищете, что у него не было даже 100 рублей, необходимых для его похорон. Деньги были предоставлены министерством народного просвещения. Его вдова, баронесса Розенкампф, продала библиотеку своего покойного мужа и их лучшую мебель, чтобы оплатить обычный после погребения обед духовенству. Затем она перебралась в небольшую квартирку, где, по словам консервативного панславистского историка М. П. Погодина, впоследствии умерла от голода¹⁰⁰.

Эта семейная трагедия, казалось бы, подкрепляет утверждение Н. И. Тургенева о том, что посвятившие себя государственной службе и, следовательно, отказавшиеся от своего собственного дела в основном умирали в бедности, обремененные долгами¹⁰¹. Обобщение Тургенева противоречит тому, что на практике было более сложной ситуацией, поскольку многое зависело от размера вотчины: крупные помещики могли совмещать свои служебные роли с управлением своими поместьями благодаря посредничеству управляющих (чья компетентность была, как известно, крайне неоднозначной) и, таким образом, обеспечивать более или менее стабильный доход.

Это хорошо задокументированное состояние хронической задолженности является, возможно, квинтэссенцией финансового положения российского дворянства на протяжении всей его истории, и первая четверть XIX века не была исключением. Даже владельцы наибольшего числа крепостных в самых крупных имениях изо всех сил пытались, но обычно не могли сбалансировать свои бухгалтерские книги и были должны, по словам Джерома Блюма, «фантастические суммы денег». Так, крупнейший помещик из всех, граф Н. П. Шереметев, к 1800 году был должен более 2 миллионов рублей просто потому, что год за годом он тратил намного больше своих доходов¹⁰². Источником огромного состояния его семьи было приданое из 7000 крепостных к свадьбе в 1743 году его отца графа П. Б. Шереметева с Варварой Алексеевной, дочерью чрезвычайно богатого крепостного владельца А. М. Черкасского. Шереметевы, наряду с другими очень богатыми семьями, такими как Шуваловы, Разумовские и Воронцовы, тратили целые состояния на все мыслимые предметы роскоши, включая гобелены, ковры, фарфор и произведения искусства для украшения своих больших домов, которые часто дарили

⁹⁹ Мосолов С. И. Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // Русский архив. М., 1905. Вып. 1. С. 156–157.

¹⁰⁰ Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. СПб., 1904. Т. 120. С. 428. М. П. Погодин (1800–1875) родился крепостным, но получил вольную в 1806 году. В возрасте 26 лет стал преподавать историю в Московском университете (до 1844 года), где стал профессором. Он был апологетом консервативных, националистических, панславянских взглядов, которые распространял через журнал «Московские ведомости» с 1827 по 1830 год, а потом продолжил свою работу в «Москвитяине» с 1841 по 1856 год.

¹⁰¹ Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 2. С. 18.

¹⁰² Blum J. Lord and Peasant in Russia. New York, 1964. P. 379.

им или их предкам правящие монархи. Тем не менее страсть к приобретению вещей не была единственной причиной крупномасштабных расходов. Задолженность Н. П. Шереметева усугублялась его альтруистическими актами благотворительности. В 1803 году, например, в ответ на поощрение благотворительности Александром I в первые годы его правления он пожертвовал 2,5 миллиона рублей деньгами и имуществом на добрые дела. Сюда относится, в частности, строительство им больницы возле Сухаревской башни в Москве на земельном участке, который он приобрел специально для этой цели¹⁰³. Кроме того, он был щедрым покровителем искусства, особенно театра.

Финансовое положение сына и наследника графа Д. Н. Шереметева усугубилось, поскольку его расходы на 600 000 рублей превысили его доход в 2,1 миллиона рублей за 1822 год. Неудивительно, что к 1859 году совокупные долги Д. Н. Шереметева составили 6 миллионов рублей. Аналогичную склонность накапливать долги демонстрировал и его современник, князь Н. Б. Юсупов: в 1818 году Юсупов был должен почти 700 тысяч рублей, а к моменту его смерти в 1831 году этот долг почти утроился¹⁰⁴. Главным фактором в этом феномене разорительного накопления долгов было несомненное принятие задолженности как культурной нормы. Это было бы недопустимо, например, в штатах Северной Америки, если судить, по крайней мере, по наблюдению, сделанному в письме к его матери от 8 февраля 1810 года будущим президентом Джоном Куинси Адамсом, который тогда служил послом США в Санкт-Петербурге: «Тон здешнего общества почти всегда отмечен превышением расходов над доходами. Все государственные служащие живут не по средствам, многие из них печально известны тем, что никогда не платили свои долги, и еще больше тем, что удерживаются на плаву способами, которые в нашей стране считались бы бесчестными, но которые здесь представляются гораздо менее дурными, чем экономия»¹⁰⁵.

Результатом столь печально известной задолженности стало то, что к середине XIX века более половины дворянских поместий были заложены, а их владельцы обременены личными долгами, усугубляемыми грабительскими процентами. Это, в свою очередь, означало, что дворянство в целом оказалось неспособным содержать фабрики, созданные в их поместьях десятилетиями ранее, не говоря уже о привлечении капитала, необходимого для создания новых, и все больше уступало место более обеспеченному классу купцов.

Однако, несмотря на удручающее финансовое положение, дворянство Московской губернии, охваченное волной патриотического рвения, отреагировало на неминуемое вторжение Наполеона летом 1812 года тем, что каким-то образом собрало 3 миллиона рублей и обязалось предоставить по 10 новобранцев на каждые 100 своих крепостных. Исправляя типичное для советской историографии отрицание решающей роли дворян в 1812 году, недавний исследователь русского дворянства в эпоху Александра I утверждает, что «[в] центре событий в эпоху 1812 года, без всякого сомнения, находилось дворянство (во главе с монархом) и оно руководило всеми процессами в стране для обеспечения государственных приоритетов и задач»¹⁰⁶. При этом московское дворянство было разорено войной. По одной оценке, материальные убытки только Московской губернии составляли 270 миллионов рублей¹⁰⁷.

¹⁰³ Longley D. The Longman Companion to Imperial Russia. P. 341; Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 81; Пыпина А. Н. Общественное движение при Александре I: исторические очерки А. Н. Пыпина. СПб., 1871. С. 122, 348.

¹⁰⁴ Blum J. Lord and Peasant in Russia. P. 379.

¹⁰⁵ Цит. по: Ibid. P. 385.

¹⁰⁶ Безотосный В. М. Цена и последствия победы // Эпоха 1812 года. Исследование. Источники. Историография. М., 2009. Вып. 8. С. 338. В пятой главе нашего исследования рассмотрена материальная ответственность дворянства во время военной кампании 1812 года.

¹⁰⁷ Коршилов А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. М.; СПб., 1912. Кн. 11. С. 152, 144. Подсчеты получены из обзора экономики России британским правительством, который был выполнен для расчета субсидий, необходимых для обеспечения продолжения военных усилий России.

Таким образом, богатство и бедность были критериями благородного статуса, определяемого в первую очередь чином, землевладением и крепостнической собственностью. Как писал Дэниел Филд о периоде с 1833 по 1857 год, «несчастные, у которых было всего несколько крепостных или не было вовсе, оказались в положении фактически исключенных из дворянского сословия, будь они героями 1812 года или потомками Рюрика»¹⁰⁸. То же самое относилось и к дворянству Александровской эпохи: реальная цена благородного статуса была так высока, что позволить его себе могли лишь очень немногие.

Источники социального престижа дворянства

Исторически сложилось так, что социальный престиж дворянства всегда был функцией его отношений с царем и, в свою очередь, проистекал из его контроля над своими поместьями и закрепленными за ними крестьянами, которые работали и жили на них. Однако, как заметил Раев, как только Петр Великий поставил – а не привлек – дворянство на службу государству, отношения, как следствие, стали принудительными. Это неизбежно пагубно сказалось на развитии индивидуального сознания и чувства собственного достоинства, поскольку судьба и карьера дворянина более, чем когда-либо, стали зависеть от прихотей самодержца или его фаворитов и их прихлебателей. Только вырвавшись из тисков государства, можно было обрести индивидуальное достоинство и развить групповое сознание. И поэтому теперь это было более вероятно благодаря оппозиции правительству¹⁰⁹. Большинство, однако, были склонны подчиняться, а не противодействовать. Это делает тех, кто принадлежал к «лояльной оппозиции» Александра I, столь исключительными и, следовательно, представляющими значительный исторический интерес. Их история будет раскрыта позже в этом исследовании.

Таким образом, для большей части дворянства Александровской эпохи социальный престиж и карьерные перспективы были прямо пропорциональны индивидуальной близости к царю. Ставя под сомнение это предположение, Миронов напоминает нам, что М. М. Сперанский, как известно, утверждал, что нет никакой разницы «между отношениями крепостных к их помещикам и отношениями дворян-помещиков к самодержавному государю». Эта точка зрения была впоследствии теоретически обоснована историком права В. И. Сергеевичем, который утверждал, что «патримониально-патриархальный характер самодержавия» не исчерпал себя даже во второй половине XIX века. Однако Миронов оспаривает оба этих мнения, утверждая, что, напротив, дворянство в начале XIX века было как юридически, так и практически освобождено от государственной зависимости и пользовалось всем набором тех личных прав, которые определяют свободного человека. Он признает, что русский дворянин не имел политических прав в современном понимании этого слова, а русская государственность еще при Петре I утратила свой патриархальный характер¹¹⁰.

Даже если согласиться с общим посылом Миронова, тем не менее трудно отрицать центральную роль царя в жизни, судьбе и карьере отдельных дворян на протяжении значительной части XIX века и, конечно, в период правления Александра I и Николая I. По мнению другого русского историка, С. А. Экштута, начиная с XVIII века существенной чертой русской дворянской культуры была зависимость успеха от близости к царю, несмотря на то что дворянин мог получить богатое наследство, заключить выгодный брак или выиграть значительное состояние в карты. Продвижение по службе часто отмечалось головокружительно быстрым подъемом в чинах. Они были взаимосвязаны: высокое звание открывало доступ к царю, а бли-

¹⁰⁸ Field D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861*. Cambridge, 1976. P. 19.

¹⁰⁹ Raeff M. *The Russian Nobility*. P. 109.

¹¹⁰ Миронов Б. Н. *Социальная история*. Т. 1. С. 379.

зость к монарху способствовала быстрому карьерному росту¹¹¹. На практике успешная карьера просто не могла быть сделана без доброй воли царя, который мог, конечно же, так же быстро карьеру оборвать¹¹².

В определенной степени это изменилось после Отечественной войны, как и многое другое в России. В частности, 1812 год внес существенные изменения в систему ценностей дворянского общества. Экштут, например, утверждает, что с этого момента служба царю больше не была тождественна службе стране, хотя они и не исключали друг друга. Успех в жизни уже не зависел, как прежде, полностью от благосклонности царя и близости к нему. Настоящий успех теперь зависел от репутации среди дворян. Теперь можно было достичь высокого статуса и сделать значительный вклад в дело отечества независимо от официального признания и наград, потому что война породила множество героев, которые обязаны своим положением своим собственным усилиям, а не влиятельным покровителям и благосклонности царя¹¹³.

Хотя в этом анализе действительно может быть доля правды, тем не менее посленаполеоновское российское дворянское общество изобилует ситуациями, когда вмешательство царя в отдельных случаях оказывалось решающим. В 1825 году Александр I отказал историку С. Н. Глинке в какой-либо награде за его выдающуюся «Русскую историю» и, что еще хуже, отказал ему в пенсии на том основании, что автор «не служит и нигде не служил». Все попытки Н. М. Карамзина и других отменить решение царя привели лишь к его назначению в Московский цензурный комитет. Здесь Глинке пришлось пережить ряд дальнейших неудач, в том числе арест за слишком либеральный подход к своей новой роли¹¹⁴. Точно так же производство офицера в следующий чин могло быть приостановлено просто потому, что царю не хотелось его санкционировать. Возьмем лишь один пример: Александр I приказал «вычеркнуть» имя П. И. Пестеля из уже подготовленного приказа о производстве Пестеля в полковники, поскольку решил повременить с назначением его командиром полка. Только в конце 1821 года после ряда унижительных отказов царь произвел Пестеля в чин полковника и дал ему командование полком¹¹⁵.

Утверждение социального статуса – тема, общая для многих мемуаров, написанных дворянами в правление Александра I (или вскоре после него). Например, Минц цитирует воспоминания поэта И. И. Дмитриева, который с 1810 по 1814 год занимал пост министра юстиции. Чтобы продемонстрировать, что его отец, живший в провинции между Казанью и Симбирском, был образованным человеком, Дмитриев писал, что его постоянными товарищами были «три коротких приятеля, умные, образованные и недавно покинувшие столицу»¹¹⁶. Точно так же избрание М. П. Леонтьева на должность полицейского инспектора (исправника) в 1815 году ввело его в круг избранных: «Должность моя сблизила меня со всеми дворянами нашего уезда, которые почти все были люди просвещенного ума, люди, что называется, большого света и лучшего тона»¹¹⁷. Следовательно, социальная значимость индивида, очевидно, определялась его

¹¹¹ Экштут С. А. На службе российскому Левиафану... С. 51–52.

¹¹² Два исследования на эту тему: O'Meara P. J. «The Opinion of One Ukrainian Landowner»: V. N. Karazin, Alexander I, and Changing Russia; *Idem*. Timotheus von Bock: Prisoner of Alexander I // SEER. 2012. Vol. 90. № 1. P. 98–123.

¹¹³ Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994. С. 54.

¹¹⁴ Володина Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки. С. 160.

¹¹⁵ Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы. С. 77; O'Meara P. J. Russia's First Republican: The Decembrist Pavel Pestel. New York, 2003. P. 20–22, 25–27, 29.

¹¹⁶ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 20 (репринт: Cambridge, 1974. P. 9); Минц С. С. К вопросу об уровне классовой сплоченности российского дворянства в конце XVIII – начале XIX в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 133–144. И. И. Дмитриев (1760–1837) был близким другом Н. М. Карамзина. Его воспоминания впервые были опубликованы только в 1866 году. О его службе министром юстиции см.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи... С. 95–123.

¹¹⁷ Леонтьев М. П. Мои воспоминания... Кн. 3. № 11. С. 614; Минц С. С. К вопросу об уровне... С. 136.

близостью к «обществу», силой его связей и уважением, которое он заслужил в определенном кругу. Так, например, барон Розенкамф «настолько устроился», что «мог принимать у себя графа Строганова, Новосильцева и Чарторыйского», которые все входили в Негласный комитет Александра I в начале его правления в 1801 году. Розенкамф находил это своей личной заслугой, достойной упоминания в мемуарах¹¹⁸.

Все это, в свою очередь, указывает на чувство исключительности особого положения человека в обществе. Напротив, мемуарная литература этого периода дает лишь скудные ссылки на роли отдельных лиц как представителей знати. Это может лишь свидетельствовать о том, что их авторы мало думали о социальной роли дворянства в целом. По мнению Минц, в сохранении престижа государственной службы было важно то, что она давала отдельным дворянам иллюзию доступа к политической власти¹¹⁹. Причем речь идет именно об иллюзии, учитывая политический контекст абсолютной автократии, которая по определению подавляла любое потенциальное влияние на политику правительства снизу. «Лишь узкий круг членов императорского дома, высшей бюрократии и верхушки дворянства мог оказать то или иное влияние на царя»¹²⁰.

Роль дворянства в правящем классе России исследуется в последующих главах, но здесь стоит упомянуть попытку ЛеДонна количественно оценить «номенклатуру» конца XVIII века. Он предполагает, что правящая элита состояла из 15 или 20 человек, к которым можно добавить более многочисленную группу чиновников 1–3-го классов, насчитывавшую от 200 до 250 человек. К этой элитной группе можно добавить более крупных землевладельцев, владевших более чем ста крепостными входивших в правящую элиту в более широком смысле. В 1770-х годах она представляла собой политическую формацию из примерно 8500 дворян, или около 16 % от 54 000 дворян-мужчин¹²¹. Даже если точность этой реконструкции является лишь приблизительной, особенно в отношении начала XIX века, она дает хорошее представление об узости вершины той власти, на которую дворяне имели хоть какой-то шанс подняться.

В любом случае нет никаких сомнений в том, что до 1812 года и, возможно, особенно впоследствии престиж дворянства как индивидуально, так и коллективно определялся преимущественно военной службой. В своем манифесте от 30 августа 1814 года, награждавшем дворян медалью в дополнение к бронзовой медали на Владимирской ленте, пожалованной в 1812 году, Александр I охарактеризовал «свое дворянство» как «верную и крепкую ограду престола», «ум и душу народа, издревле благочестивое, издревле храброе», «ныне изъязвившее беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имуществ, но и самой крови и жизни своей»¹²².

Вот почему, как утверждал Ричард Уортман, к концу правления Александра именно военный парад стал «первостепенной по своей значимости демонстрацией императорского правления»¹²³. Однако дело было не только в этом. Как и во времена правления императора Павла, когда парад был частью непрекращающегося поиска точности и совершенства в полковой муштре и произвольного подчинения командам, он служил одновременно демонстрацией взаимозависимости царя и дворянства и напоминанием о ней. По воскресеньям проходил так называемый «Кайзер-парад» (Keizer-parad), который не отменяли даже при минусовых

¹¹⁸ Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкамф. С. 166.

¹¹⁹ Минц С. С. К вопросу об уровне. С. 136, 139, 142.

¹²⁰ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 724.

¹²¹ LeDonne J. P. The Eighteenth-Century Russian Nobility. P. 141–142.

¹²² ПСЗРИ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 32. С. 907. 30 августа 1814 года; Яблочков М. Т. Российское дворянство. История родов. СПб., 1876. Репринт в: История российского дворянства. М., 2009. С. 394.

¹²³ Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995. P. 228 (см. рус. пер.: Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. Т. 1. С. 229).

температурах и в самую суровую погоду. Эти «шоу» обычно посещались всем дипломатическим корпусом и имели целью произвести впечатление на послов, присоединившихся к свите императора¹²⁴. Пресловутая «парадомания» Александра I эффективно символизировала потенциальную, если не фактическую односторонность этой взаимозависимости: властный и навязчивый контроль самодержавия, с одной стороны, и ущербный престиж покорного дворянства – с другой.

¹²⁴ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // РС. 1900. Вып. 9. С. 481.

Часть II. Воспитание российского дворянина

Глава 3

Родительский надзор, иностранные наставники и овладение языком

В этой главе исследуются попытки просвещения русского дворянства во время правления Александра I, вовлеченные в образование институты, достигнутые стандарты и возникшая социальная мобильность. На протяжении всего своего правления царь постоянно жаловался на нехватку достаточно квалифицированных и обученных молодых дворян для укомплектования его администрации и быстро растущей бюрократии. В то же время реформа образования была одним из главных приоритетов в первые годы его правления. С сентября 1802 года по всей Российской империи была создана сеть школ и университетов под эгидой нового министерства народного просвещения, созданного специально для этой цели. Первое в своем роде в Европе, оно поставило беспрецедентные цели и добилось заметных успехов под руководством П. В. Завадовского и М. Н. Муравьева¹²⁵.

Как же тогда мы можем объяснить конечную неудачу в обеспечении достаточного количества людей с подходящей квалификацией при наличии четко сформулированной стратегической цели повышения уровня образования, особенно в отношении дворянства? Частично ответ на этот вопрос заключается в явно сохраняющемся подозрении, как в правительственных кругах, так и, шире, среди дворян, о потенциально вредном политическом и идеологическом воздействии, которое может иметь хорошо образованное, независимое и критически мыслящее молодое дворянское поколение на дальнейшую стабильность российского общества в неопределенную эпоху наполеоновских войн. На правительственном уровне это отразилось в противоречивом и нерешительном сочетании реформ и реакции в сфере образования, а также в явной амбивалентности и пассивности знати по отношению к ней, что приводило в отчаяние самого Александра I.

Мы обращаемся к рассмотрению именно первых лет воспитания и обучения дворянских детей. Обычно это происходило дома и, следовательно, в основном в провинциальных поместьях их родителей. Мы также рассмотрим трудности, вызванные необходимостью не только говорить на своем родном языке, но и с раннего возраста дополнительно овладеть хотя бы еще одним современным иностранным языком. Это почти всегда был французский – язык, который для русского дворянства того времени был и знаком социальной респектабельности, и жизненно важным средством общения, который обычно предпочитался русскому языку.

Домашнее обучение и иностранные учителя

Генерал Ф. Я. Миркович (1789–1866), ветеран 1812 года, мемуарист и историк того времени, предлагает резкий контраст в культурном уровне русского дворянства конца XVIII и начала XIX века. Он писал, что при Екатерине Великой

женщины не знали грамоты; дети вырастали на попечении холопей. Никто ничего не читал, да и книг, кроме церковных и букварей, никаких почти не было. Помещики, проживавшие в своих деревнях, проводили время

¹²⁵ Шенелев Л. Е. Аппарат власти в России: эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 417. Полный анализ одного аспекта этого проекта см.: Flynn J. T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835. Washington, 1988. P. 283.

в праздности, занимались только псовой охотой, пьянством и развратом. Один только небольшой круг дворян, бывших при дворе и проживавших в столице, имел наружную образованность, приобретенную в заграничных поездках. Но действительного просвещения не существовало вовсе. <...> Со вступлением на престол императора Александра расширились средства к образованию дворянства учреждением гимназий, университетов и кадетских корпусов¹²⁶.

Время уже давно пришло. Даже в начале XIX века в России все еще не было общей системы среднего образования, которая бы охватывала всех молодых дворян. Немецкий историк России Теодор Шиман в своей книге о царствовании Александра I ссылаясь на «сочетание высокой культуры (*Überbildung*) и варварства как на отличительный признак дворянства вплоть до конца XVIII и даже начала XIX века»¹²⁷.

Однако, несмотря на такие негативные оценки, на протяжении XVIII века неоднократно предпринимались правительственные инициативы, направленные на обеспечение возможностей получения образования для всех россиян и, в частности, для знати. Одним из наиболее важных из них был Устав народным училищам 1786 года Екатерины Великой о народном образовании, в котором содержалось амбициозное положение о создании сети светских городских начальных и средних школ совместного обучения по всей стране. Теоретически они были бесплатны и открыты для детей всех свободных классов. Одним из наиболее продвинутых для того времени пунктов был полный запрет на любые телесные наказания¹²⁸. Однако долгосрочный успех этого закона и других образовательных реформ, проведенных примерно в то же время, был сведен на нет отсутствием адекватного финансирования, нехваткой подготовленных учителей и нежеланием многих дворян отправлять своих детей в народные школы, где им пришлось бы смешаться с низшими классами. Вместо этого явно отдавалось предпочтение домашнему обучению, которое продолжалось большую часть XIX века.

Летописец русской жизни времен Александра I Н. Ф. Дубровин называет продолжающуюся недостаточность учебных заведений в России причиной того, что большая часть дворянства, или, как он их называет, «маминькиных сынков», ничему не учились и оставались крайне неграмотными. Большинство дворянских детей получали домашнее образование, и, хотя его качество сильно варьировало, в целом оно было неудовлетворительным. Во многом это было связано с широко распространенной практикой использования гувернеров, особенно франкоязычных, прибывших из Европы. Дубровин особенно решительно высказывался по этому вопросу, утверждая, что французские наставники, нанятые дворянством для обучения своих детей дома, плохо подходят для этой роли и оказывают негативное влияние не только на своих подопечных, но и на российское общество в целом. Тем не менее, несмотря на это, знать стала подражать и их языку, и культуре. Уверенные в хорошей жизни в России, французы приезжали во все большем количестве и внедрялись в дома и жизнь принимающих семей, внушая детям «равнодушие ко всему русскому»¹²⁹.

Среди источников Дубровина была всеподданнейшая записка тайного советника А. И. Арсеньева Николаю I от 2 апреля 1826 года, в которой он пытался проследить истоки заговора декабристов. Среди ключевых факторов, обозначенных Арсеньевым, было пагубное влияние на русскую семейную жизнь этих французских незваных гостей, которые «принимались в дво-

¹²⁶ Миркович Ф. Я. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам / Сост. А. Миркович, М. Миркович. СПб., 1889. С. 21–23.

¹²⁷ Schiemann T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. B. 1. S. 396.

¹²⁸ Об Уставе см.: Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 496–502.

¹²⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // РС. 1989. Вып. 3. С. 540–542. О французском как преобладающем способе образования российского дворянства во время Наполеона см. коллекцию документов и комментариев к ним: Rjéoutski V. Quand le français gouvernait la Russie: L'éducation de la noblesse russe, 1750–1880. Paris, 2016. P. 395. К этой теме мы еще вернемся позже в этой главе.

рянские дома», причем «мусью, стараясь понравиться матушке и соделаться подмогою мужа в сладостных любовных утехх хозяйки, а мадамы – подмастерьями жен хозяйских в том же искусстве». Таким образом, они «знают все домашние тайны», «делаются повелителями в доме и тиранами детей». Они, сами не зная русских традиций и обычаев, «выхваляют свои, втверживают оные в воспитанника, который ему верит и начинает с презрением смотреть на русское». В качестве учителей они походили на немецкого персонажа Вральмана из пьесы Дениса Фонвизина «Недоросль» (впервые исполнена в 1782 году), который позволяет своему подопечному Митрофану вести себя так, как ему заблагорассудится, и получает за это щедрые выплаты. Хотя сами они едва ли были грамотными и почти не знали русского, но пытались учить детей их родному языку. Тем не менее, что примечательно, спустя несколько лет родители, казалось, были удивлены, когда поняли, что их дети практически ничему не научились¹³⁰. В этой связи Шиман иронично заметил, что «мы узнаем самые невероятные факты» о коренных франкоговорящих эмигрантах, которые раньше были слугами, ремесленниками, садовниками и коммивояжерами, но вдруг внезапно провозгласили себя учителями и воспитателями!¹³¹

Адмирал Н. С. Мордвинов был одним из тех придворных, которые категорически возражали против использования иностранцев в качестве воспитателей для детей российского дворянства, считая их негативной, развращающей силой. Он утверждал, что эту практику следует полностью запретить, поскольку не понимал, как «даже достойнейший чужестранец» может привить своим молодым подопечным настоящую любовь к своей стране и родному языку¹³². Принимая во внимание низкое качество предлагаемых ими услуг, Дюмон был удивлен высокими гонорарами домашних репетиторов – от 2 до 5 рублей за урок¹³³.

Со своей стороны, комментирует Дубровин, родители были довольны тем, что платили иностранцам за воспитание своих детей, поскольку теперь могли продолжать вести распущенный образ жизни – «засыпали на рассвете, подымались в полдни и редко видели своих детей». Источники Дубровина предполагают, что молодые люди научились настолько малому, что многих отправляли в школы-интернаты, где другие иностранные учителя причиняли даже больший вред, чем домашние наставники.

Положение усугублялось пренебрежением русского дворянства к педагогам вообще и к русским учителям в частности. Поэтому они неохотно отправляли своих детей в гимназии, тем более что последние были открыты для всех социальных слоев: дворяне находили саму мысль о том, что их дети сидят рядом с «детьми чиновников, разночинцами и людьми всякого состояния», совершенно невыносимой¹³⁴. М. Л. Назимов вспоминал, как в своей местной средней школе в Нижнем Новгороде смешивался с «дворовыми людьми городской аристократии и мещан». «Ввиду этой смеси сословий, зажиточные дворянские фамилии не отдавали своих детей в гимназии, чтобы не смешивать их с грязным людом и не привить к ним в подобном обществе дурных наклонностей и привычек». Вот почему, заключает он, дворяне предпочитали, чтобы их дети обучались дома¹³⁵.

Родители часто не понимали потенциальной пользы для своих сыновей и дочерей от формального изучения академических предметов, которые, казалось, так мало имели практического применения в их повседневной жизни, особенно с учетом военной карьеры. Военная служба была в конечном счете, как правило, наиболее предпочтительной перспективой с точки

¹³⁰ *Арсеньев А. И.* Исследование коренных причин происшедшим заговорам и бунтам против престола и царства // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е. и. в. канцелярии. / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1906. Вып. XIII. С. 306–308.

¹³¹ *Schiemann T.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. В. 1. S. 396.

¹³² *Майков П. М.* Адмирал Н. С. Мордвинов и его архив // Русская старина. СПб., 1905. Т. 121. С. 201.

¹³³ *Дюмон П. Э.* Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // ГМ. 1913. Вып. 3. С. 107.

¹³⁴ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. С. 541–543.

¹³⁵ *Назимов М. Л.* В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожила // РВ. 1876. С. 101–102.

зрения как самих родителей, так и их сыновей. О таком отношении к образованию свидетельствуют слова о том, что оно «было скорее роскошью, чем необходимостью», которые приписывал своему отцу Н. В. Басаргин (дворянин из Владимирской губернии, ученик корпуса колонновожатых в 1817 году). Это замечание довольно полно отражало мировоззрение помещиков поколения его отца¹³⁶. Например, московский дворянин и владелец тысячи крепостных, генерал-майор А. А. Тучков имел очень четкие представления о том, что должны изучать его сыновья в качестве будущих армейских офицеров: физику и химию он находил полезными, но словесность (и поэзию в частности) он полагал совершенно «пустым делом», как и музыку, а латынь считал необходимой только для священников и врачей. Наконец, «теология и философия казались ему совсем неприличными науками для военного человека»¹³⁷. Как справедливо отмечал тогда С. С. Уваров, дворянство все еще относится к образованию с недоверием¹³⁸.

Сергей Мироненко обнаружил, что подавляющее большинство (81,8 %) членов Государственного совета в 1825 году получили домашнее образование, только А. А. Аракчеев и И. И. Дибич имели специальное военное образование (кадетские корпуса), а М. М. Сперанский был выпускником Александро-Невской главной духовной семинарии в Санкт-Петербурге¹³⁹. Таким образом, домашнее образование было нормой для дворянских детей и обычно продолжалось до 15-летнего возраста, после чего принималось решение о дальнейшем обучении, которое, возможно, могло включать несколько лет, проведенных за границей в Западной Европе. Но это не означало конец зависимости молодых людей от родителей, которая, как правило, сохранялась даже после их вступления в брак. Мемуарная литература того периода свидетельствует о том, что важные решения принимались только с учетом мнения родителей, которые ожидали и обычно получали от своих потомков безусловную любовь, преданность и послушание.

Эта культурная особенность объясняется прежде всего тем, что до смерти родителей сыновья обычно оставались их иждивенцами (если только они не получили существенное приданое от семьи невесты)¹⁴⁰. Например, Э. И. Топчиев в своих воспоминаниях отмечал, что после своего производства в офицеры по выходе из дворянского корпуса в 1819 году он не мог прожить на годовую зарплату прапорщика в 450 рублей и нуждался в помощи родителей, чтобы купить многочисленные и дорогие части своей новой формы¹⁴¹. Однако родительская помощь была ресурсом, доступным далеко не всем молодым офицерам: П. А. Тучков, выходец из старинного московского дворянского рода, многие представители которого отличились на военной службе, впоследствии сенатор и член Совета Николая I, описывает, как после 1812 года для его отца настали тяжелые времена и, разбитый долгами, он был вынужден продать свои дома и подмосковную картинную галерею, а также свое солидное имение в Тульской губернии. Это означало, что, в отличие от Топчиева, молодой Тучков должен был научиться жить по своим скромным средствам, и, действительно, были времена, когда он «ограничивался одним своим жалованьем по службе»¹⁴².

¹³⁶ *Басаргин Н. В.* Воспоминания Н. В. Басаргина // Мемуары декабристов. Южное общество / Под ред. И. В. Пороха, В. А. Федорова. М., 1982. С. 145. Менее чем через года Н. В. Басаргин вступил в Южное общество декабристов в Тульчине, за что был сослан на каторгу в Сибирь и прожил там тридцать лет, до амнистии, объявленной Александром II 22 августа 1856 года.

¹³⁷ *Целоруинго Д. Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2002. С. 113–114. Сыновья Тучкова, Сергей и Алексей, как и Н. В. Басаргин, обучались в корпусе колонновожатых и посещали лекции в Московском университете. Алексей был арестован в январе 1826 года за вовлеченность в деятельность Московской управы Северного общества декабристов, но был отпущен через три месяца без наказаний. Декабристы: биографический справочник. С. 180.

¹³⁸ *Whittaker C. H.* The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. Dekalb, 2010. P. 66.

¹³⁹ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 39.

¹⁴⁰ *Жуковская Т. Н.* Русская мемуаристика первой трети XIX века. Петрозаводск, 2006. С. 40.

¹⁴¹ *Топчиев Е. И.* Дворянский полк в царствование Александра I // РС. 1880. Т. 28. Вып. 8. С. 649–650.

¹⁴² *Тучков П. А.* Главные черты моей жизни // РС. СПб., 1881. Вып. 11. С. 458–459. Во время Отечественной войны 1812 года четверо братьев Тучковых служили генералами: Сергей, Павел, Николай и Александр. Двое последних погибли

при Бородине. Павел Алексеевич был взят в плен и приведен к Наполеону, который приказал вернуть шпагу раненому герою. См.: *Тучков С. А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766–1808* / Под ред. К. А. Военского. СПб., 1908 (репринт: М., 2011). С. 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.